

ТАМБОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

15 НОЯБРЯ

№ 22.

1865 г.

Выходятъ два раза въ мѣсяць: 1 и
15 чиселъ, съ Іюля 1861 года.
Цѣна за годовое изданіе 4 р. 25 к.
сер. съ пересылкою.

Подписка принимается въ Редак-
ціи Вѣдомостей при Тамбов. Дух.
Семинаріи и у вѣсхъ Благочин-
ныхъ Тамбовской Епархіи.

I.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССИЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Для обыкновеннаго укомплектованія Арміи и
Флота **НАШИХЪ**, повелѣваемъ:

Въ будущемъ 1866 году произвести рекрутс-
кій наборъ съ обѣихъ полюсъ Имперіи, полагая по
четыре человека съ каждой тысячи душъ, на осно-
ваніи особаго распорядительнаго Указа вмѣстѣ съ
симъ Правительствующему Сенату даннаго.

Съ губерніи Архангельской, освобожденной отъ
поставки рекрутъ при наборѣ съ 15-го Января на
15-е Февраля 1865 года, а также съ губерній:
Кіевской, Волынской, Подольской, Виленской, Грод-

пепской, Ковенской, Минской, Могилевской и Витебской, освобожденныхъ отъ поставки рекрутъ при наборѣ съ 1-го Ноября по 1-е Декабря 1865 года,—взять, въ счетъ числящейся за ними недоимки, по одному человѣку съ каждой тысячи душъ, независимо отъ поставки, наравнѣ съ прочими губерніями Имперіи, четырехъ человѣкъ съ каждой тысячи душъ.

Наборъ начать съ 15-го Января и окончить къ 15-му Февраля 1866 года.

При производствѣ означеннаго набора принять въ руководство облегчительныя правила, указанныя Манифестомъ НАШИМЪ 25-го Сентября 1864 года, для минувшаго набора, съ тѣми дополненіями, которыя МЫ признали полезными допустить въ видахъ облегченія рекрутской повинности:

1. Для каждаго уѣзда назначить отдѣльное Рекрутское Присутствіе въ уѣздномъ городѣ.

2. Рекрутскія Присутствія имѣть въ слѣдующемъ составѣ:

Губернское.

Предсѣдатель — Вице Губернаторъ.

Ч л е н ы :

По назначенію Губернатора, одинъ изъ Членовъ Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія, которые состоятъ въ немъ изъ мѣстныхъ дворянъ — помѣщиковъ, по выбору Губернскаго и Уѣздныхъ Предводителей Дворянства губерніи.

Совѣтникъ Казенной Палаты, Управляющій Ревизскимъ ея Отдѣленіемъ.

Военный приѣмщикъ.

Медикъ.

У ѣ з д н о е .

Предсѣдатель — мѣстный Уѣздный Предводитель Дворянства.

Ч л е н ы :

Одинъ изъ Кандидатовъ Мироваго Посредника, по очереди, изъ того участка, отъ котораго представляются рекруты, или постоянный на все время набора, по выбору и назначенію Уѣзднаго Мироваго Съѣзда.

Мѣстный Уѣздный Исправникъ или Городничій.

Военный приѣмщикъ.

Медикъ.

Независимо отъ постоянныхъ Членовъ, при приѣмѣ въ рекруты лицъ отъ городского общества, допустить къ засѣданіямъ, со всѣми правами и обязанностями Членовъ, какъ въ Губернскомъ, такъ и въ Уѣздныхъ Рекрутскихъ Присутствіяхъ, городскихъ головъ или заступающихъ ихъ мѣста, на томъ же основаніи, на коемъ допускаются означенныя въ статьѣ 162-й Рекрутскаго Устава лица, въ тѣхъ случаяхъ, когда представляются въ рекруты или къ переосвидѣтельствуванію поселяне вѣдомства Государственныхъ Имуществъ или Удѣльнаго. При чемъ предоставить Управляющимъ Палатами Государственныхъ Имуществъ и Удѣльными Конторами, тамъ, гдѣ поселяне еще не переданы въ общее управленіе, назначить по собственному усмотрѣнію и выбору, подвѣдомственные имъ должностныя лица, для присутствованія, на основаніи приведенной статьи Устава, въ Уѣздныхъ Рекрутскихъ Присутствіяхъ.

Въ случаѣ болѣзни или отсутствія кого либо изъ Членовъ Рекрутскаго Присутствія, замѣнять ихъ тѣми лицами, которыя въ общемъ порядкѣ службы вступаютъ въ исправленіе ихъ должностей.

Для отстраненія недостатка въ медикахъ, назначаемыхъ въ Рекрутскія Присутствія какъ въ качествѣ Членовъ, такъ и по статьѣ 163-й Рекрут-

скаго Устава, для случаевъ совѣщательныхъ, по требованіямъ Губернаторовъ, командировать медиковъ отъ вѣдомствъ: Государственныхъ Имуществъ, Удѣльнаго и Военнаго.

Съ увеличеніемъ числа Рекрутскихъ Присутствій, уменьшить опредѣленный статьею 169-ю Рекрутскаго Устава составъ ихъ Канцелярій и назначить, вмѣсто 2-хъ и 3-хъ Помощниковъ, только одного Помощника Письмоводителя.

Сообразно измѣненному на время набора составу Губернскаго Рекрутскаго Присутствія, имѣть его, по статьѣ 179-й Рекрутскаго Устава, и послѣ набора изъ слѣдующихъ лицъ: Предсѣдатель—Вице-Губернаторъ; Члены по назначенію Губернатора: одинъ изъ Членовъ Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія, которые состоятъ въ немъ изъ мѣстныхъ дворянъ — номѣщиковъ по выбору Губернскаго и Уѣздныхъ Предводителей Дворянства, Совѣтникъ Казенной Палаты, Управляющій Ревизскимъ ея Отдѣленіемъ, Губернскій Воинскій Начальникъ или лицо его замѣняющее, въ званіи военнаго пріемщика и Инспекторъ Врачебной Управы или одинъ изъ ея Членовъ.

Что же касается Рекрутскихъ Присутствій въ Закавказскомъ Краѣ и въ Сибирскихъ губерніяхъ (ст. 164 и 165), то примѣненіе къ нимъ новаго порядка на сколько то, по мѣстнымъ условіямъ, окажется возможнымъ, предоставитъ ближайшему усмотрѣнію главныхъ мѣстныхъ Начальниковъ.

5. Освободить податныя сословія отъ употребленія гербовой бумаги какъ при сдачѣ рекрутъ по набору, такъ и при сношеніяхъ всякаго рода по дѣламъ рекрутскимъ съ Правительственными мѣстами и лицами, исключая найма рекрутъ и покупки зачетныхъ квитанцій.

4. Рекрутъ вводитъ въ Рекрутскія Присутствія не обнаженными, а въ сорочкѣ.

5. Отмѣнить существующее въ статьяхъ 556 и 578-й Рекрутскаго Устава воспрещеніе дворянамъ и лицамъ, достигшимъ офицерскихъ и класныхъ чиновъ, поступать въ рекруты по найму, оставивъ въ своей силѣ это воспрещеніе только въ отношеніи лицъ, пріобрѣвшихъ военные офицерскіе чины.

6. Охотниковъ, идущихъ въ рекруты за общества, семейства и лица, отправляющія рекрутскую повинность какъ по очередной, такъ и по жеребьевой системѣ, принимать въ военную службу не ранѣе, какъ по достиженіи двадцати одного года; но между родными братьями дозволяется меньшаго принимать за старшаго и тогда, когда меньшему исполнилось только двадцать лѣтъ, если онъ идетъ за старшаго по собственной охотѣ и съ согласія родителей или заступающихъ ихъ мѣсто и во всемъ остальномъ признается совершенно годнымъ для военной службы.

Не ранѣе, какъ по достиженіи двадцати одного года, принимать также въ рекруты очередныхъ изъ семействъ, самовольно раздѣлившихся.

Старѣе тридцати лѣтъ отъ роду никого въ рекруты не принимать, за исключеніемъ только укрывающихся отъ службы, безвѣстно отсутствующихъ и членовредителей, которыхъ, въ случаяхъ, указанныхъ въ 5-мъ и 4-мъ пунктахъ 194-й статьи Рекрутскаго Устава, принимать въ службу однимъ годомъ старѣе означеннаго выше возраста, а именно тридцати одного года отъ роду.

7. Установить для пріема людей въ рекруты одну общую меньшую мѣру роста въ два аршина три вершка (2 ар. 3 верш.), отмѣнивъ съ тѣмъ вмѣстѣ все частныя изыятія относительно роста, вве-

денныя въ Рекрутскій Уставъ, кромѣ установленнаго для жителей уѣздовъ: Мезенскаго, Пинежскаго и Кемскаго въ Архангельской губерніи и Усть-ысольскаго и Яренскаго Вологодской губерніи, для которыхъ, по физическимъ условіямъ этихъ уѣздовъ, сохранить прежній ростъ въ два аршина два съ половиною вершка (2 арш. $2\frac{1}{2}$ верш.).

8. Подочередныхъ и поджеребьевыхъ, которые по набору будутъ взяты взамѣнъ укрывшихся, заболѣвшихъ, состоявшихъ во время набора подъ слѣдствіемъ и судомъ или умышленно изувѣчившихъ себя,—непремѣнно возвращать въ первобытное состояніе порядкомъ, въ статьяхъ 718-й и 719-й Рекрутскаго Устава указаннымъ, коль скоро бывшіе на очереди или на жеребьи лица, взамѣнъ которыхъ они были приняты въ военную службу, сами поступятъ въ оную и если подлежащевозвращенію въ первобытное состояніе сами не пожелаютъ остаться въ военной службѣ; тѣ же изъ нихъ, которые добровольно останутся въ военной службѣ, принимаются къ зачету обществу въ будущіе наборы.

9. Для перемѣны рекрута, поступившаго въ военную службу не за проступки и преступленія, посредствомъ охотника, никакихъ сроковъ не назначать и предоставить какъ обществамъ, такъ и отдѣльнымъ лицамъ приступить къ перемѣнѣ, когда будетъ имѣть къ тому возможность и желаніе.

О перемѣнѣ рекрута охотникомъ предоставить обращаться съ просьбою въ Губернское Рекрутское Присутствіе, а во время производства набора и въ Уѣздныя Рекрутскія Присутствія и если охотникъ, по правиламъ Рекрутскаго Устава, окажется годнымъ и другихъ препятствій къ приему не будетъ, то принимать его окончательно и передавать

мѣстному военному Начальству, съ означеніемъ, на перемѣну какого именно рекрута онъ принять.

По передачѣ охотника военному Начальству, относительно возвращенія перемѣняемаго въ первобытное состояніе, предоставить Рекрутскому Присутствію дѣлать сношеніе прямо отъ себя съ военнымъ начальствомъ, въ вѣдѣніи коего перемѣняемый состоитъ на службѣ, а если мѣсто служенія его неизвѣстно, то непосредственно сноситься съ Инспекторскимъ Департаментомъ Военнаго Министерства.

Означенный порядокъ возвращенія рекрутъ принять и въ отношеніи рекрутъ, перемѣняемыхъ зачетными рекрутскими квитанціями.

10. Во всѣхъ податныхъ семействахъ, отправляющихъ рекрутство какъ по очереди, такъ и по жеребьевому порядку, освобождать отъ рекрутства единственнаго или старшаго сына солдата, находящагося въ военной службѣ или умершаго на оной или уволеннаго въ отставку, если только солдатъ этотъ, то-есть отецъ освобождаемаго, поступилъ на службу не охотникомъ за чужое семейство и не за преступленія или проступки, лишающіе семейство рекрутскихъ послугъ.

11. Всѣ общества, несущія рекрутскую повинность, обязаны дѣлать сборы и раскладки на наградныя деньги рекрутамъ, въ размѣрѣ не менѣе 5-хъ рублей каждому и болѣе, если общество признаетъ возможнымъ. Кромѣ того имъ предоставляется дѣлать добровольные сборы въ пользу семействъ рекрутовъ. Размѣръ и самое назначеніе этихъ послѣднихъ пособій предоставляется собственному усмотрѣнію общества, сообразно его средствамъ и тому положенію, въ которомъ находятся семейства поступающихъ въ рекруты. Какъ тѣ,

такъ и другія пособія назначаются не иначе, какъ по приговорамъ обществъ и выдаются публично.

12. Отмѣнить всякое существующее нынѣ въ пограничныхъ съ Пруссіею и Австріею губерніяхъ различіе въ отношеніи порядка отправления рекрутской повинности между городами и селеніями, лежащими въ стоверстномъ отъ границы разстояніи и между прочимъ населеніемъ тѣхъ губерній, подчинивъ упоминаемые города и селенія общимъ правиламъ Рекрутскаго Устава, въ ихъ губерніяхъ дѣйствующимъ.

13. Всѣ семейные раздѣлы, до 1-го Января 1865 года совершенные, хотя бы раздѣлившіяся части были записаны въ ревизскихъ сказкахъ подъ однимъ номеромъ, признаются законными для всѣхъ городскихъ и сельскихъ обществъ, если дѣйствительность раздѣла будетъ удостовѣрена: въ городскихъ обществахъ — сословною Управою, Думою, Ратушею или Магистратомъ, по принадлежности, а въ сельскихъ обществахъ — сельскимъ сходомъ. Могушіе возникнуть при этомъ споры или недоразумѣнія относительно зачета рекрутскихъ послугъ, исполненныхъ частями раздѣливагося семейства, — предоставляется рѣшать самимъ обществамъ.

14. Всѣмъ обществамъ и участкамъ какъ городскимъ, такъ и сельскимъ, желающимъ отправить рекрутскую повинность наймомъ, разрѣшить приступать къ тому по собственнымъ приговорамъ обществъ, не требуя на то особаго, по 555-й статьѣ Рекрутскаго Устава, разрѣшенія и безъ установленныхъ 558-ю статьею того же устава ограниченій, то есть за общества могутъ идти въ службу всѣ лица, къ какому бы городу, губерніи или сословію они ни принадлежали, если прочія для сего условія Рекрутскаго Устава ими выполнены.

15. Всѣмъ лицамъ какъ городского, такъ и сельскаго состоянія, равно и цѣлымъ обществамъ, подлежащимъ рекрутской повинности, предоставляется одинаковое право на покупку рекрутскихъ зачетныхъ квитанцій, продаваемыхъ отъ казны.

При подобныхъ покупкахъ, принимать общество за лицо, и если число пріобрѣтателей будетъ превышать число имѣющихся для продажи квитанцій, то, согласно 4-му пункту 475-й статьи Рекрутскаго Устава, рѣшать жеребьемъ кому быть пріобрѣтателемъ квитанціи. Покупку же квитанцій у частныхъ лицъ дозволяется обществамъ совершать безпрепятственно, если продающій вправѣ располагать квитанціею, хотя бы онъ, по статьѣ 524-й того же Устава, не принадлежалъ къ одной и той же губерніи и къ одному и тому же сословію, къ которому принадлежитъ общество, покупающее квитанцію.

16. Требуемое 499-ю статьею Рекрутскаго Устава, по объявленіи Манифеста о наборѣ, представленіе отъ участковъ, семействъ и лицъ всѣхъ безъ исключенія зачетныхъ квитанцій, равно и обмѣнъ ихъ на контр-квитанціи,—отмѣняются. Если же изъ квитанцій, представленныхъ для дѣйствительнаго зачета, нѣкоторыя, по какимъ бы то ни было случаямъ, останутся въ объявленный наборъ не зачтенными, то возвращать ихъ владѣльцамъ подлинникомъ, подъ обыкновенную росписку, для представленія къ зачету при будущихъ наборахъ, когда встрѣтятся въ томъ надобность.

17. 292-ю статью Рекрутскаго Устава о стрижкѣ головъ и бритьѣ бородъ рекрутамъ въ Рекрутскомъ Присутствіи примѣнять только къ рекрутамъ, которые отдаются въ военную службу за побѣгъ, членовредительство или иные проступки и преступленія и которымъ, по силѣ той статьи,

брѣютъ лбы; лицъ же, представляемыхъ въ Рекрутское Присутствіе, для исполненія набора, коль скоро, по освидѣтельствovanіи, они окажутся годными къ военной службѣ, Предсѣдатель объявляетъ принятыми и за тѣмъ ихъ въ Рекрутскомъ Присутствіи не стричъ и не брить, а въ томъ видѣ, какъ прибыли, передавать военному приѣмщику, по предварительномъ описаніи ихъ примѣть порядкомъ, въ Рекрутскомъ Уставѣ указаннымъ.

18. Отмѣнить 295-ю статью Рекрутскаго Устава о бритьѣ затылка неудостоенному къ приѣму въ рекруты.

19. Отмѣнить существующее въ 361, 473, 529, 1261, 1262 и 1273-й статьяхъ Рекрутскаго Устава воспрещеніе малаканамъ, духоборцамъ, икоборцамъ, іудействующимъ, скопцамъ и вообще всѣмъ послѣдователямъ сектъ, признанныхъ особенно вредными, а также еврейамъ, — нанимать за себя въ рекруты людей, не принадлежащихъ къ ихъ сектѣ и закону, равно какъ и покупать зачетныя рекрутскія квитанціи, на такихъ людей выданныя, дозволивъ всѣмъ сектаторамъ и еврейамъ покупать зачетныя квитанціи и нанимать охотниковъ наравнѣ съ прочими сословіями.

20. Ставропольская губернія, по отправленію рекрутской повинности, сравнивается съ прочими губерніями Россіи, отбывающими эту повинность натурою.

21. Врачамъ, отряжаемымъ въ Рекрутскія Присутствія, для приѣма рекрутъ, руководствоваться Высочайше утвержденнымъ 20-го Августа 1865 года, въ видѣ временной мѣры, наставленіемъ на сей предметъ.

22. Не представлять въ мѣста приѣма, на основаніи 201 й ст. Рекр. Уст., подставныхъ болѣе половины всего числа рекрутъ, слѣдующихъ съ

участка, если участок по расчету ставить болѣе трехъ рекрутъ; на трехъ же рекрутъ дозволяется представлять двухъ подставныхъ, а на одного рекрута — одного подставнаго.

23. Въ поясненіе примѣчанія къ статьѣ 764-й и статьѣ 969-й Рекрутскаго Устава, предоставляется Губернаторамъ право: всѣмъ очереднымъ и жеребьевымъ, подлежащимъ въ объявленный наборъ рекрутству, давать отсрочки, если они о томъ просятъ будутъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы остающееся по окончаніи отсрочки, время, смотри по имѣющимся средствамъ сообщенія, было достаточно для явки въ рекрутскій участокъ къ началу набора.

24. Всѣмъ отсутствующимъ изъ своихъ рекрутскихъ участковъ, по законнымъ паспортамъ, если они будутъ находиться на очереди или подъ жеребьемъ и по тѣлеснымъ недостаткамъ или болѣзнямъ будутъ считать себя неспособными къ военной службѣ, предоставляется право, въ теченіи шести-недѣль, со времени объявленія Манифеста о наборѣ, обращаться въ ближайшее къ мѣсту ихъ жительства Губернское Рекрутское Присутствіе съ просьбою объ освидѣтельствованіи ихъ въ годности къ военной службѣ. Если при такомъ освидѣтельствованіи они будутъ признаны негодными, то Губернское Рекрутское Присутствіе снабжаетъ ихъ свидѣтельствомъ на простой бумагѣ, съ прописаніемъ въ чемъ негодность ихъ заключается, а лицо, подвергшееся освидѣтельствуванію, можетъ, буде пожелаетъ, вмѣсто личной явки, представить въ свой рекрутскій участокъ выданное ему свидѣтельство къ началу набора.

25. Отмѣнить 474-ю статью Рекрутскаго Устава и производить свободно продажу квитанцій отъ казны и по объявленіи Манифеста о наборѣ.

26. Квитанціи, принадлежація частнымъ лицамъ въ собственность и могущія, на основаніи дѣйствующихъ нынѣ постановленій, быть обращаемы ими въ частную продажу, дозволяется покупать безпрепятственно всеѣмъ желающимъ, безъ указанныхъ въ ст. 324 и 326-й Рекрутскаго Устава ограниченій относительно принадлежности покушника и продавца къ одному и тому же сословію и губерніи, городу, посаду, или мѣстечку и безъ испрошенія особыхъ на то разрѣшеній отъ Палатъ: Казенной и Государственныхъ Имуществъ, по принадлежности.

27. Отмѣнить 301-ю статью Рекрутскаго Устава и за тѣмъ во время набора, всякую квитанцію, законнымъ порядкомъ приобрѣтенную, принимать за очередныхъ и жеребьевыхъ къ зачету, хотя бы она и не была внесена въ росписаніе Казенной Палаты, по ст. 41-й составляемое.

28. Отвѣтственность за укрывшихся отъ рекрутства татаръ — мѣщанъ возлагается на ихъ семейства, на основаніяхъ, изложенныхъ въ 7-мъ примѣчаніи къ статьѣ 969-й Рекрутскаго Устава.

29. Единственнымъ сыновьямъ государственныхъ крестьянъ и крестьянокъ, вступившимъ въ бракъ со вдовами или вдовцами, у которыхъ есть сыновья отъ прежнихъ браковъ, предоставляются тѣ же преимущества при призывѣ къ жеребью, какія постановлены въ 4-мъ пунктѣ § 2 ст. 912-й Устава Рекрутскаго и во 2-мъ къ ней примѣчаніи, въ отношеніи единственныхъ у родителей наличныхъ сыновей.

30. Волостнымъ и участковымъ сходамъ предоставляется право, на основаніяхъ, указанныхъ въ Рекрутскомъ Уставѣ, переводить призванныхъ къ исполненію набора молодыхъ людей изъ 1-го разряда во 2-й и 3-й и изъ 2-го въ 3-й, безъ предста-

вленія о томъ, по ст. 929-й и 954-й, на утвержденіе Палатъ Государственныхъ Имуществъ, по съѣздамъ, чтобы рѣшенія объ этомъ сходовъ, какъ указано въ ст. 955-й, были постановлены до вынута въ участкѣ жеребьевыхъ нумеровъ.

Независимо отъ сихъ облегченій МЫ признали возможнымъ, для объявленнаго набора допустить, для несущихъ рекрутскую повинность, еще слѣдующія новыя льготы:

31. Въ мѣщанскихъ обществахъ, отправляющихъ рекрутскую повинность по жеребьевой системѣ, если кто либо изъ членовъ его, не подходя подъ изъятія, въ 314-й ст. Рекр. Уст. указанная, будетъ признанъ необходимымъ для поддержанія семейства, то такой членъ можетъ быть освобожденъ отъ призыва временно или навсегда, по опредѣленію мѣщанскаго общества того рекрутскаго участка, къ коему онъ принадлежитъ. О такомъ опредѣленіи общество обязано составлять каждый разъ отдѣльные приговоры и доводить объ нихъ въ то же время до свѣдѣнія Думы и Казенной Палаты. Самые же приговоры считать дѣйствительными въ такомъ лишь случаѣ, когда они составлены по согласію $\frac{2}{3}$ членовъ мѣщанскаго общества, пользующихся правомъ голоса.

32. Всѣ установленныя Рекрутскимъ Уставомъ на обмундированіе, продовольствіе, доставку и другое по сдачѣ рекрута расходы, во всѣхъ обществахъ, отправляющихъ рекрутскую повинность, оставить, по ст. 218 й Рекр. Уст., на самихъ обществахъ, рекрутскій участокъ составляющихъ, безъ участія однако тѣхъ семействъ, которыя сгавятъ рекрута натурою и которыя, въ случаѣ, какихъ либо съ ихъ стороны затратъ на снаряженіе, продовольствіе, доставку и другія по сдачѣ рекрута на-

добности, должны получить полное за то вознаграждение отъ общества.

33. Отмѣнить повѣрку расходныхъ тетрадей отдачиковъ, по ст. 327-й, чрезъ Стряпчихъ, предоставивъ эту повѣрку самимъ Обществамъ и Думамъ или Волостнымъ Правленіямъ, по принадлежности, въ порядкѣ для сего установленномъ.

34. Всѣмъ находящимся на очереди или подъ жеребьемъ, если они обладаютъ рекрутскими квитанціями, которыми желаютъ замѣнить себя, дозволяется вмѣсто личной явки, по ст. 187-й Рекр. Уст., въ мѣста пріема представлять отъ себя, или чрезъ своихъ отдатчиковъ имѣющихся у нихъ рекрутскія квитанціи въ подлежащее Рекрутское Присутствіе, для зачета.

35. Въ отмѣну 551-й и 552-й ст. Рекр. Уст., протесты Военнаго Начальства противъ годности принятыхъ рекрутъ принимать только до выступленія рекрутъ изъ предѣловъ губерніи, или до зачисленія ихъ на службу, если часть, куда они назначены, находится въ предѣлахъ той же губерніи. Въ обоихъ случаяхъ рекрута, признаннаго, по пересвидѣтельствваніи, неправильно принятымъ, не перемѣнять на счетъ общества, но оставлять на службѣ въ военномъ вѣдомствѣ, а Членовъ Рекрутскаго Присутствія, виновныхъ въ неправильномъ его пріемѣ, подвергать отвѣтственности по ст. 781—785 Рекрутскаго Устава.

36. На обязанности Казенныхъ Палатъ, по ст. 122 и 123-й Рекр. Устава, оставить только составленіе росписанія, указаннаго статьею 41-ю того же Устава о количествѣ рекрутъ, слѣдующихъ съ мѣщанскаго общества каждаго штатнаго и заштатнаго города, равно посада или мѣстечка; затѣмъ, неизмѣняя установленнаго Рекрутскимъ Уставомъ порядка веденія и повѣрки очередныхъ и жеребье-

выхъ списковъ, окончательное утвержденіе какъ тѣхъ, такъ и другихъ, предоставить мѣстнымъ словнымъ Управамъ, Думаемъ, Ратушамъ и Магистратамъ, по принадлежности, съ тѣмъ, чтобы сіи послѣдніе окончательно провѣренныя и утвержденныя списки объ очередныхъ и жеребьевыхъ къ началу набора доставляли отъ себя, въ отдѣльныхъ экземплярахъ, Казенной Палатѣ и мѣстному Рекрутскому Присутствію.

57. Въ дополненіе ст. 906-й и въ измѣненіе п. 4-го § 2-го ст. 912-й Рекрутскаго Устава, въ каждомъ рекрутскомъ участкѣ освобождать отъ призыва къ жеребью старшаго изъ малолѣтнихъ сиротъ, немѣющихъ ни отца, ни матери и единственнаго у родителей наличнаго сына—работника.

58. Въ поясненіе 909-й ст. Рекр. Устава, не брать на службу ни въ одинъ, ни въ разные наборы, у отца изъ живущихъ нераздѣльно сыновей и лицъ, сравненныхъ съ ними въ правахъ по 5-му пункт. 907-й ст., изъ двухъ и трехъ болѣе одного, изъ четырехъ и пяти болѣе двухъ, а изъ шести болѣе трехъ.

59. Въ участкахъ государственныхъ крестьянъ, отправляющихъ рекрутскую повинность по жеребьевой системѣ, призвать по установленнымъ правиламъ, къ жеребью молодыхъ людей, которымъ къ 1-му Января 1865 года исполнилось двадцать одинъ годъ отъ роду.

Общее число рекрутъ, слѣдующихъ съ сихъ крестьянъ каждой губерніи, распределить между рекрутскими ихъ участками на слѣдующихъ основаніяхъ:

а) Число рекрутъ, какое будетъ слѣдовать по Манифесту съ государственныхъ крестьянъ каждой губерніи, съ присоединеніемъ къ нему оставшихся на нихъ отъ минувшаго набора рекрутскихъ долей,

распредѣлить между рекрутскими ихъ участками не по числу ревизскихъ душъ, а по числу молодыхъ людей означеннаго возраста, подлежащихъ призыву по 1-му и 2-му разрядамъ.

б) Для опредѣленія сколько каждый рекрутскій участокъ долженъ поставить рекрутъ, общее число рекрутъ, слѣдующее съ государственныхъ крестьянъ каждой губерніи, съ присоединеніемъ къ нему рекрутскихъ долговыхъ *долей*, раздѣлить на общее же число въ губерніи 21 лѣтнихъ, подлежащихъ призыву по первымъ двумъ разрядамъ и полученное частное помножить на число этихъ людей каждаго участка.

в) Въ участкахъ государственныхъ крестьянъ Архангельской и 9 ти Западныхъ губерній, когда помянутыхъ людей неостанетъ для назначенія изъ нихъ требующагося числа въ рекруты и въ подставные къ нимъ, а также въ запасные, распредѣлить недостатокъ между участками по общему числу людей, оставшихся отъ минувшаго набора въ запасъ и тѣхъ 21 лѣтнихъ, кои подлежатъ призыву по 3-му разряду.

г) Изъ помянутыхъ въ предъидущемъ пунктѣ людей назначить, гдѣ представится надобность (за недостаткомъ людей двухъ первыхъ разрядовъ 21-го лѣтняго возраста), въ рекруты, въ подставные и запасные, сначала людей, оставшихся въ запасъ отъ минувшаго набора, по порядку вынутыхъ ими нуровъ, и въ той же постепенности, какъ было указано въ пунктѣ в, 31 статьи Манифеста НАШЕГО 25 Сентября 1864 года, и лишь за недостаткомъ ихъ, призывать къ жеребью 3-й разрядъ двадцатиодно-лѣтнихъ, изъ числа которыхъ и отдѣлить потребное число нумеровъ (начиная съ перваго) на покрытие недостатка.

д) Во всѣхъ прочихъ губерніяхъ, гдѣ для назначенія полного числа рекрутъ и къ нимъ подставныхъ и запасныхъ не достанетъ однихъ людей двухъ первыхъ разрядовъ, распредѣлить недостатокъ между участками по числу людей 21-го лѣтняго возраста, подлежащихъ призыву по третьему разряду, а для огражденія отъ сдачи въ службу тѣхъ изъ этихъ людей, семейное положеніе которыхъ будетъ того требовать, предоставить волостнымъ сходамъ, передъ вынутаемъ жеребьевъ, постановить: кого изъ подлежащихъ призыву по этому разряду слѣдуетъ освободить отъ призыва и кому дать жеребій; по при этомъ, на основаніи 2-го примѣч. къ 912-й ст. Уст. Рекр., наблюдать, чтобы число людей, назначенныхъ сходами къ вынутаю жеребья по 3 му разряду, дополняло тотъ комплектъ рекрутъ, подставныхъ и запасныхъ, который будетъ назначенъ съ участка.

е) Въ участкахъ, гдѣ число людей, призванныхъ по 1-му разряду, не будетъ превышать назначеннаго съ участка числа рекрутъ, сдавать перворазрядныхъ безъ жеребья; равнымъ образомъ сдавать безъ жеребья же и второразрядныхъ, если число ихъ взятое вмѣстѣ съ числомъ перворазрядныхъ, составитъ не болѣе числа рекрутъ, назначеннаго съ участка.

ж) Въ слѣдствіе измѣняемой раскладки рекрутъ, уравнивать между волостями и обществами государственныхъ крестьянъ, по ихъ окладному числу душъ, издержки, опредѣленные 204, 213, 214 и 215-й ст. Рекр. Уст. на сдачу рекрутъ.

з) Для точнаго примѣненія и исполненія сихъ правилъ предоставить Министру Государственныхъ Имуществъ дать отъ себя Палатамъ Государственныхъ Имуществъ, по принадлежности, дальнѣйшія наставленія.

Всѣ изложенныя въ настоящемъ **НАШЕМЪ** Манифестѣ правила принять къ руководству какъ для производства самаго набора, такъ и для приема рекрутъ, по разнымъ случаямъ, по окончаніи набора представляемыхъ.

За тѣмъ всѣ прочія дѣйствующія нынѣ по отправленію рекрутской повинности законоположенія, Манифестомъ симъ неизмѣняемыя, сохранить во всей ихъ силѣ.

Данъ въ Царскомъ Селѣ, Октября 14-го дня, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ шестьдесятъ пятое, Царствованія же **НАШЕГО** въ одиннадцатое.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ.»

II

ИЗВѢСТІЯ И ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

Въ Моршанскѣ Тамбовской Губерніи открыто временное Отдѣленіе Государственнаго Банка, которое закончить свои дѣйствія 1 Мая 1866 года.

Съ дозволенія цензуры. 4 Ноября 1865 года.

Тамбовъ. Въ Типографіи Палаты Госуд. Имуществъ.

ПРИБАВЛЕНИЕ

КЪ

ТАМБОВСКИМЪ ЕПАРХИАЛЬНЫМЪ

ВЪ ДОМОСТЯМЪ.

15 НОЯБРЯ.

№ 22.

1865 г.

Разказы изъ библейской исторіи — путешествіе Израильтянъ отъ Синая до земли обѣтованной.—Философскія размышленія о религіи христіанской:—о необходимости первоначальнаго откровенія.—Къ памяти о Савостьяновѣ.

РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ

БИБЛЕЙСКОЙ ИСТОРИИ.

Шествіе Израильтянъ отъ Синая до земли обѣтованной.

Долго Израильтяне стояли около горы Синая, — безъ малаго годъ, но стояли не напрасно. Здѣсь они построили храмъ Богу, и храмъ великолѣпнѣйшій, весь облитый золотомъ и обвѣшанный драгоценными тканями, — но подвижной, который разбирался и составлялся на подобіе палатки, и потому назывался *Скинією*. Здѣсь они получили отъ Бога, чрезъ Моисея, законы церковные и гражданскіе. Хотя Израильтяне и прежде жили не безъ закона, — руководились закономъ внутреннимъ, написаннымъ Богомъ въ сердцѣ человѣка, и преданіями, переходящими устно изъ рода въ родъ — отъ предковъ къ потомкамъ; но такъ какъ законъ внутренній началъ затемняться, а по этой причинѣ, и по причинѣ сокращенія жизни человѣческой, и преданія могли измѣниться: то, что бы сохранить

въ нихъ знаніе и почитаніе истиннаго Бога, Богъ далъ имъ законъ внѣшній, написанный на двухъ каменныхъ скрижаляхъ, на которыхъ, въ десяти заповѣдяхъ, были изложены всѣ обязанности человѣка въ отношеніи къ Богу и къ ближнимъ. Послѣ того Богъ далъ имъ и законъ обрядовый, который подробно и ясно опредѣлялъ образъ внѣшняго богослуженія. Теперь Израильтяне уже не могли приносить жертвъ *на всякомъ мѣстѣ, но токмо на мѣстѣ*, избранномъ Богомъ (Втор. 12, 13), въ храмѣ, и при томъ не родоначальникъ, или глава семейства могъ приносить, какъ это было доселѣ, а только избранные и поставленные на это служеніе Самимъ Богомъ, Ааронъ съ своими сыновьями и ихъ потомки, которымъ законъ опредѣленно указывалъ, когда, какія жертвы и какимъ образомъ должны быть приносимы. Но этого мало: законъ, опредѣливъ мѣсто, лица, время и дѣйствія богослуженія, опредѣлялъ и образъ домашней и общественной жизни Израильтянъ. Онъ указывалъ имъ и пищу и одежду, наблюдалъ за ихъ тѣлесною чистотою, за ихъ бракосочетаніями и разводами, вступался въ ихъ труды и пріобрѣтенія требованіемъ начатковъ и десятинъ, и опредѣлялъ за преступленія наказанія строгія и вмѣстѣ растворенныя снисхожденіемъ. Короче, — Израильтяне при Синаѣ получили законъ, который сопровождалъ ихъ отъ колыбели до гроба, указывалъ имъ всѣ шаги ихъ жизни и направлялъ къ вѣчному спасенію и къ временному благополучію и каждаго изъ нихъ порознь и всѣхъ вмѣстѣ. При Синаѣ эти тысячи семействъ плотнѣе сложились между собою и составили какъбы одно семейство, связанное законами церковными и гражданскими, — составили общество, похожее на государство, царемъ котораго былъ Самъ Богъ, а Моисей — испол-

нителемъ Его распоряженій, истолкователемъ Его воли, видимымъ правителемъ народа и посредникомъ между Богомъ и народомъ. Вотъ почему такъ долго Израильтяне стояли при Синаѣ!

По совершеніи пасхи Моисей началъ дѣлать приготовленія къ продолженію пути. По повелѣнію Божію, онъ устроилъ двѣ серебрянныя трубы, которыми священники трубили, давая знать Израильтянамъ, когда останавливаться имъ и когда подыматься въ путь (этими же трубами въ праздники созывали народъ къ жертвоприношенію),—распредѣлилъ, какое мѣсто каждое колѣно должно занимать во время шествія и во время остановокъ. По этому распредѣленію скинія, окруженная колѣномъ Левія, всегда занимала средину; къ востоку отъ нея находились колѣна: Іудино, Иссахарово и Завулоново; къ сѣверу: Нефалимово, Асирово и Даново; къ югу: Рувимово, Симеоново и Гадово. Наконецъ, въ 20 день втораго мѣсяца, облако поднялось отъ скиніи и пошло; за нимъ пошли вышесказаннымъ порядкомъ и Израильтяне — прямо къ землѣ обѣтованной. На третій день была остановка для отдыха. Здѣсь открылся въ народѣ ропотъ на невыгоды странствованія. Богъ прогнѣвался на Израильтянъ и послалъ на нихъ съ неба огонь, который и попалилъ *нѣкую часть* стана ихъ (Чис. 11, 1), и только по молитвѣ Моисея эта казнь Божія прекратилась. Народъ усмирился, но не надолго. Мы видѣли, что изъ Египта много вышло съ Израильтянами людей иноплеменныхъ—не Израилева рода (Исх. 12, 38). Сначала эти иноплеменники, а за ними и Израильтяне возронтали на скудость пищи. Манна имъ наскучила; они вспомнили, какъ въ Египтѣ они ѣли досыта *мясо и рыбу, огурцы и дыни, лукъ и чеснокъ*, — вспомнили и начали плакать, говоря: «кто накормитъ насъ мясомъ? Ду-

ша наша изсохла; только и видимъ одну манну.» Этотъ вопль народа огорчилъ Моисея. Онъ обратился къ Богу съ молитвою, въ которой излилъ предъ Нимъ всю свою скорбную душу. «Чѣмъ я заслужилъ, Господи, говорилъ онъ, Твое неблаговоленіе ко мнѣ, что Ты возложилъ на меня управленіе этимъ своевольнымъ народомъ? Развѣ онъ мое рожденіе, что Ты заставилъ меня нянчить его, какъ малютку? Они плачутъ и просятъ у меня мяса; а гдѣ я возму имъ мясо? Нѣтъ; не могу я управляться одинъ съ этимъ народомъ; или умертви меня, или устрой, чтобы я не терпѣлъ такихъ огорченій.» Богъ, утѣшая Моисея, говоритъ ему: «собири Мнѣ къ скинии 70 старѣйшинъ Израильскихъ, которыхъ ты самъ знаешь, и *Я уйму отъ Духа*, который сообщенъ тебѣ, возложу на нихъ, и они будутъ помогать тебѣ въ правленіи народомъ. А народу скажи, что по утру у нихъ будетъ и мясо; будутъ ѣсть не одинъ день, не два, не пять и не десять, а цѣлый мѣсяцъ, — будутъ ѣсть дотолѣ, что пойдетъ изъ ноздрей ихъ и опротивѣтъ имъ.» На удивленіе Моисея, отколѣ явится такое множество мяса, Богъ говоритъ: «ужели рука Господня не сильна? Вотъ увидимъ, исполнится ли Мое слово или нѣтъ.» Моисей передалъ слова Божіи народу и собралъ къ скинии 70 старѣйшинъ. Богъ сошелъ во облацѣхъ, бесѣдовалъ съ Моисеемъ и общилъ старѣйшинамъ духъ пророчества — силу и ревность вразумлять и успокоивать народъ; но эта ревность и сила взяты были отъ Духа, пребывавшаго на Моисеѣ, дабы старѣйшины помнили свою зависимость отъ Моисея и не превозносились предъ нимъ. Сии 70 старѣйшинъ прообразовали тѣхъ 70 Апостоловъ, которыхъ Иисусъ Христосъ посылалъ по два предъ лицемъ Своимъ для предварительной проповѣди въ мѣста, куда Самъ хотѣлъ ид-

ти (Лук. 10, 1)?—Моисей, съ помощію сихъ старѣйшинъ, успокоилъ народъ, и всѣ разошлись по своимъ палаткамъ. Въ слѣдующую ночь подулъ сильный вѣтеръ съ моря, который и нанесъ къ стану такое множество перенеловъ, что они укрыли землю во всѣ стороны отъ стана на день ходу, т. е. верстѣ на 28, и почти на два локтя отъ земли, болѣе 5 четвертей. Евреи собирали ихъ цѣлый день, и цѣлую ночь, и весь слѣдующій день, и ѣли, а въ запасъ сушили, и набрали такое множество, что самый малый сборъ былъ *десять спудъ*, до 25 четвертей на семейство. Но мясо еще было въ зубахъ ихъ, еще не успѣли удовлетворить своей прихоти, какъ Господь во гнѣвѣ Своемъ наслалъ на нихъ лютую язву, отъ которой померло множество народа (Чис. гл. 11).

Когда кончилась смертоносная язва, Израилтяне пошли далѣе. Но во время слѣдующей остановки возникло на Моисея, изъ—за жены его Сепфоры, неудовольствіе въ родныхъ его. Сепфора чѣмъ то оскорбила Аарона и Маріамъ, и они вознегодовали на нее и говорили: «развѣ Богъ съ однимъ Моисеемъ бесѣдуетъ? Не говоритъ ли Онъ и съ нами?» Моисей слышалъ это превозношеніе предъ собою брата и сестры и по кротости своей терпѣливо его перенесъ; но за него вступился Самъ Богъ. Онъ позвалъ ихъ всѣхъ троихъ въ скинію и тамъ обличилъ несправедливость Аарона и Маріамъ, выставилъ предъ ними на видъ величіе Моисея, какъ друга и собесѣдника Своего и какъ величайшаго изъ всѣхъ пророковъ. Ааронъ успѣлъ сознать свою виновность предъ Богомъ и предъ братомъ и раскаялся; а Маріамъ поражена была проказою. Моисей хотя и молился за нее; но Богъ исцѣлилъ ее не прежде семи дней, которые она по закону должна была провесть вдали отъ людей—внѣ стана, такъ

какъ проказа была болѣзнь прилипчивая. — Послѣ этихъ событій Евреи пошли далѣе и наконецъ дошли до земли обѣтованной.

Смотрите, какая добрая, какая святая душа была у Моисея. Братъ и сестра сильно оскорбили его своимъ превозношеніемъ предъ нимъ и упреками въ томъ, что онъ имѣлъ за собою жену иноплеменную — Еѳіоплянку; однако Моисей не только не сердился на нихъ и не мстилъ имъ, но даже просилъ Бога объ исцѣленіи Маріамы отъ проказы, которая была наказаніемъ за оскорбленіе его. Вотъ незлобіе, достойное подражанія! Вотъ примѣръ, какъ мы должны платить ближнимъ за ихъ намъ обиды! Моисей жилъ за полторы тысячи лѣтъ до Иисуса Христа, жилъ въ такое время, когда мщеніе допускалось закономъ (Исх. 21, 24); и между тѣмъ буквально выполнилъ ученіе Иисуса Христа, который говоритъ: *благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ, молитесь за обижающихъ васъ* (Матѳ. 5, 44). Но объ этомъ предметѣ — платить добромъ за зло уже было говорено, когда говорилось объ Іосифѣ, осыпавшемъ великими милостями своихъ братьевъ, продавшихъ его въ рабство; а въ нынѣшнемъ разказѣ есть для насъ другія назиданія.

Израильтянамъ наскучилъ *хлѣбъ небесный* — манна, имъ захотѣлось мяса. Богъ и далъ имъ мяса — перепеловъ, мясо очень вкусное; они ѣли его, и ѣли до того, что оно пошло *изъ ноздрій* ихъ!.. Но эта ихъ прихоть, это объяденіе не прошли имъ даромъ: Богъ разгнѣвался на нихъ и поразилъ ихъ смертоносною язвою. Что это за язва была и сколь много погибли отъ нея народа, — Моисей того не сказалъ; но для насъ достаточно и того, что мы видимъ, какія послѣдствія бываютъ отъ прихотей и объяденія. По этому бойтесь, православные, про-

гнѣвлять Бога своею прихотливостію; довольствуйтесь пищею тою, какая есть у васъ, и не желайте того, чего нѣтъ. *Начало житія человека вода и хлѣбъ* (Сир. 29, 24), говоритъ слово Божіе; вотъ безъ чего нельзя прожить человѣку. Если же Богъ далъ тебѣ мясо и рыбу, *молоко и медъ, кровь гроздову и масло* (Сир. 39, 52.); то благодари Бога и употребляй эти дары Божіи, но употребляй во славу Божію, — во время и въ мѣру и раздѣляя съ ближними, не имѣющими этого; а если нѣтъ, то и не безпокойся. Бойтесь уподобляться тѣмъ людямъ, у которыхъ *чрево Богъ* (Филип. 3, 19.), которые со всемъ усердіемъ служатъ этому своему идолу и иногда даже не знаютъ, чѣмъ угодить ему, какія жертвы приносить ему. Хотя Богъ и даетъ намъ *вся обильно въ наслажденіе наше* (1 Тим. 6, 17.); но помните, что сказалъ Апостоль: *вся ми лѣтъ суть, но не вся на пользу* (1 Кор. 6, 12). Соблюдайте воздержаніе и умѣренность, *плотоугодія не творите* (Рим. 13, 14). И не отягчайте *сердца ваша обьяденіемъ и пїянствомъ* (Лук. 21, 34); *но аще ясте, аще ли пїете, вся во славу Божію творите* (1 Кор. 10, 31).

Моисей молился объ ищѣленіи своей сестры; его молитвою погашенъ огонь, поналявшій Израильтянъ за ропотъ на невыгоды странствованія. Нельзя думать, чтобы онъ не молился Богу за народъ свой, когда Богъ поразилъ его за прихоти и обьяденіе *язвою великою зѣло*. А вспомните, какъ пламенно онъ молился за Израильтянъ, когда Богъ, за поклоненіе тельцу, хотѣлъ всѣхъ ихъ истребить, а отъ него произвестъ новый народъ? Здѣсь Моисей съ такимъ самоотверженіемъ ходатайствовалъ за нихъ, что готовъ былъ самъ вмѣстѣ съ ними и за нихъ погибнуть, и погибнуть на вѣки. Или прости имъ, Господи, говорилъ онъ Богу, или *изгла-*

ди мя изъ книги Твоея, въ нюже вписалъ еси (Исх. 32, 10, 33). И только это столь усердное его ходатайство спасло ихъ тогда. Счастливы были Израильтяне, что имѣли у себя такого сильнаго ходатая. Но, возлюбленные! мы много счастливѣе Израильтянъ. За насъ ходатайствуетъ не одинъ Моисей, который и за насъ тоже ходатайствуетъ теперь на небѣ, какъ за новозавѣтныхъ Израильтянъ; но безчисленные лики святыхъ Ангеловъ и святыхъ Угодниковъ Божіихъ,—Пророки, Апостолы, Мученики, Святители, Преподобные и Праведные; а болѣе и усердѣе всѣхъ за насъ предстательствуетъ предъ Богомъ Пресвятая Владычица Богородица. Она, Заступница Усердная, непрестанно умоляетъ Сына своего Христа Бога нашего о всемъ мірѣ, и особенно о спасеніи и помилованіи тѣхъ, которые съ вѣрою и надеждою прибѣгаютъ къ Ея покровительству. Она, по словамъ церкви, *помощница обидимыхъ, ненадѣющихся надѣяніе, убогихъ заступница, печальныхъ утѣшеніе, алчущихъ кормительница, нагихъ одѣяніе, больныхъ исцѣленіе, грѣшныхъ спасеніе, христіанъ всѣхъ вспоможеніе и заступленіе* (мол. Богор.). Этого мало,—за насъ ходатайствуетъ Самъ Сынъ Божій, вѣчный *ходатай Бога и человековъ, человекъ Христосъ Иисусъ, давый Себе избавленіе за всѣхъ* (1 Тим. 2, 4—6). Вотъ какая великая у насъ защита! Посему да *приступаемъ съ дерзновеніемъ къ престолу благодати, да примемъ милость, и благодать обрящемъ, во благовременну помощь; но приступаемъ со истиннымъ сердцемъ, окроплени отъ совѣсти лукавыя* (Евр. 4, 16; 10, 22). Не унывайте же, православные, и не отчаявайтесь никогда и ни въ чемъ. Обремененъ ли кто изъ васъ грѣхами, постигла ли кого болѣзнь или другое какое либо несча-

стіе, молитесь Господу Иисусу, — молитесь Пресвятой Владычицѣ Богородицѣ, Святымъ Ангеламъ и святымъ Угодникамъ Божіимъ, и Онъ, *молитвъ ради Пречистыя Своея Матери и всѣхъ Святыхъ*, грѣхи наши очиститъ и избавитъ насъ отъ всѣхъ золъ и болѣзней.

Но у насъ и на землѣ есть ходатаи. Первый изъ нихъ Самъ Спаситель нашъ Иисусъ Христосъ. Онъ въ лицѣ Своей церкви, *яже есть тѣло Его* (Еф. 1, 25), которой Онъ есть *глава* (Еф. 5, 25), непрестанно ходатайствуетъ за насъ предъ Богомъ Отцемъ, предлагая Ему въ умилостивительную за насъ жертву Свое пречистое тѣло и Свою честную кровь. Есть и видимые ходатаи; это пастыри церкви, пресвитеры. Они молитвенники, Богомъ поставленные, посредники между Богомъ и народомъ. Ты удрученъ горемъ, у тебя на сердцѣ лежитъ туга или отъ грѣховъ или отъ тревоженій житейскихъ, но ты считаешь себя недостойнымъ молиться Господу и Его святымъ, или не надѣешься на силу своихъ молитвъ; иди въ церковь и молись — и вмѣстѣ съ другими, и одинъ отдѣльно, — проси священника совершить отъ твоего лица молебень Сладчайшему Иисусу, или Матери Божіей, или другому какому Угоднику Божію. Проси пресвитеровъ церкви молиться съ тобою и въ церкви и дома, и повѣрь, что Господь услышитъ тебя и исполнитъ желаніе твоего сердца. Есть и другіе, кромѣ Иеревъ, молитвенники за насъ, — это отшельники міра, иноки и инокини, рабы Божіи живущіе въ мірѣ, но невѣдомые міру. Всѣ эти рабы Божіи, пламенѣя любовію къ Богу, любятъ отъ всей души и cadaго ближняго своего — какъ себя; и притомъ они знаютъ, что молиться за себя одного значитъ высказывать предъ Богомъ свое самолюбіе и духовное своекорыстіе; а потому и *творятъ молитвы на всякомъ мѣстѣ*,

воздѣюще преподобныя руки свои, за вся чловѣки (1 Тим. 1, 1, 8), — молясь за себя, молятся и о спасеніи и помилованіи всѣхъ и каждаго, и особенно тѣхъ, кои поручаютъ себя ихъ святымъ молитвамъ. Вотъ какъ много у насъ ходатаевъ и на небѣ и на землѣ! Если кто и при толь многихъ и великихъ ходатаяхъ будетъ унывать и отчаяваться, тотъ обнаружитъ въ себѣ недостатокъ вѣры, погибнетъ и останется безотвѣтнымъ навѣки предъ судомъ Божиимъ и предъ судомъ своей совѣсти.

Слава Господу, пріемлющему ходатайство за насъ церкви небесной и церкви земной и исполняющему молитвы Своихъ небесныхъ и земныхъ рабовъ! —

Священникъ Теофилактъ Стандровскій.

ФИЛОСОФСКІЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ

О РЕЛИГІИ ХРИСТІАНСКОЙ.

Изъ Фюста Николая.

О НЕОБХОДИМОСТИ ПЕРВОНАЧАЛЬНАГО ОТКРОВЕНІЯ.

(Окончаніе)

III. Все, что сказано было нами объ истинѣ вообще, имѣетъ самое дѣйствительное приложеніе къ истинамъ религіознымъ во всей строгости, что и слѣдуетъ изъяснить.

Истины религіозныя, всегда и вездѣ сводятся къ тремъ, или четыремъ основнымъ положеніямъ, каковы: невещественность свободно—разумнаго начала въ насъ, бытіе Высочайшаго Существа, все-совершеннѣйшаго Творца и Промыслителя нашего, непреложность обязательныхъ отношеній между нами и Богомъ, истина безсмертія души и будущей жизни, въ которой душа, по разлученіи съ тѣломъ,

должна дать отчетъ въ томъ, какъ воспользовалась она дарованною ей свободою въ настоящей жизни, и проч.

Но всѣ эти истины, вообще усвоенныя родомъ человѣческимъ, очевидно не подлежатъ естественному наблюденію нашихъ чувствъ. Дѣятельность разума нашего ограничивается только кругомъ естественныхъ предметовъ, познанія о которыхъ онъ пріобрѣтаетъ на основаніи свидѣтельствъ чувства внутренняго и внѣшняго. Между тѣмъ, какъ всѣ истины религіозныя относятся къ разряду истинъ сверхчувственныхъ и сверхъестественныхъ. Какимъ же образомъ разумъ нашъ могъ бы самъ собою дойти до познанія этихъ истинъ, или только до предположенія дѣйствительнаго существованія предметовъ, ими выражаемыхъ? У разума нашего нѣтъ особаго органа, которымъ онъ могъ бы проникать въ область этихъ предметовъ; и какъ не мыслимо для насъ, чтобы какой нибудь житель земнаго шара могъ знать то, что происходитъ на другой какой либо планетѣ, безъ откровенія, сообщеннаго съ этой планеты, такъ равно должно быть неизяснимо для насъ и то, какимъ образомъ души человѣческія, заключенныя въ чувственное тѣло, окруженныя природою видимою, могли бы имѣть хотя малѣйшее понятіе о томъ, что существуетъ и что бываетъ выше чувствъ и внѣ природы, если бы наученіе свыше не сообщило имъ такихъ понятій. Если существуетъ, какъ говорятъ намъ, міръ высшій и совершеннѣйшій этаго, который мы населяемъ; то необходимо, чтобы какой нибудь вѣстникъ изъ этаго міра повѣдалъ намъ о его существованіи и сообщилъ намъ понятіе о томъ, въ какихъ отношеніяхъ мы находимся къ этому міру. Если есть сверхъестественныя истины, то необходимо, чтобы сверхъестественное слово, соотвѣтственно этимъ

истинамъ, научало насъ познавію ихъ. «Зерна, заключаются въ гранатовомъ яблокѣ, говоритъ «однѣ Учитель церкви, не могутъ сообщаться съ тѣмъ, что существуетъ за поверхностію яблока; и человекъ, рукою Божіею заключенный въ предѣлы тварей, не можетъ дальше ихъ поднимать своихъ взоровъ, — даже до Бога» (*). По этому я не удивляюсь, когда слышу, какъ ревностнѣйшій изъ деистовъ, самый отъявленный защитникъ рационализма противъ откровенія, въ минуты изнеможения душевнаго, въ чувствѣ собственной безпомощности, говоритъ объ извѣстной всѣмъ истинѣ — о Богѣ: «Существо непостижимое ни нашими глаза-

(*) Theophil. — Apolog. п. 5. Св. Иларій также говоритъ: «Не такова природа наша, чтобы намъ можно было собственными силами достигать познанія небеснаго; у Бога надобно учиться тому, что и какъ должно разумѣть о Богѣ» (De Trinitat., v. 20). Хотя Оригена и укоряютъ за то, что онъ подчинялъ Философіи Религію, но и онъ также говоритъ, что «человѣческая природа мало способна къ тому, чтобы найти Бога какимъ бы то ни было образомъ, *даже и назвать Его*, если ей не будетъ оказана помощь Тѣмъ, Кого она ищетъ» (Contra Cels., lib. VII). Да и самъ Вольтеръ, этотъ новѣйшій Цельсъ, не противорѣча своему здравому смыслу, высказалъ ту же великую истину: «очевидно, что человекъ самъ собою не въ состояніи узнать всего этого. Разумъ человѣческій пріобрѣтаетъ понятія только посредствомъ опыта; но никакой опытъ не можетъ научить насъ ни тому, что было прежде нашего существованія, ни тому, что будетъ послѣ. Объ этихъ предметахъ и величайшіе философы знаютъ не больше, какъ и самые необразованные люди. Тутъ катитъ припомнить народную загадку: *курица ли прежде яйца, или яйцо прежде курицы?* Загадка проста, но она ставитъ въ тупикъ самую высокую мудрость, которая ничего не можетъ знать о первыхъ началахъ вещей безъ сверхъестественнаго пособія» (Poëme sur la Desastre de Lisbon, notes).

«ми невидимо, ни руками нашими неосязасемо; твореніе является, а Творецъ остается сокровеннымъ; немаловажное дѣло дойти наконецъ до убѣжденія «въ Его бытіи» (*). Вотъ до чего доходятъ, когда хотятъ обойтись безъ пособія откровенія, даже тогда какъ оно принято; что же было бы, если бы никогда не было извѣстно это величайшее благодѣяніе Божіе?!

Да чтожъ это такое, скажете мнѣ, не сами ли вы думали доказать, какъ слѣдуетъ, при помощи одного разума, тѣ самыя истины о душѣ, о Богѣ, безсмертіи души и естественной Религіи, которыя теперь поставяете на недоступной для разума высотѣ? Чтоже вы дѣлали въ предшествующихъ размышленіяхъ? Да вы такимъ образомъ сами разрушаете собственное дѣло. Лучше было бы, еслибъ въ семь случаевъ было бы больше опасности; за то покрайней мѣрѣ больше было бы искренности.

Я вовсе не отрицаю силы и законнаго употребленія разума въ области религіозныхъ истинъ; и вмѣсто того, чтобы изъять отъ суда его эти истины, онѣ уже были подвергаемы ему, онѣ всѣ предъ вами и какъ бы вы глубоко ни поставляли ихъ во святилищѣ вѣры, нѣтъ ни одной изъ нихъ, которой бы я не предположилъ подвергнуть подъ его испытующій судъ. Но здѣсь недостаетъ только того, чтобы выразумѣть и опредѣлить союзъ и отношеніе этихъ двухъ силъ—разума и вѣры, которыя такъ часто поставяются во взаимное противоборство.

Разумъ составляетъ какъ бы духовное око и зрѣніе души, а откровеніе—какъ бы свѣтъ, падающій на предметы и дѣлающій ихъ видимыми. Глазъ самъ по себѣ не видитъ; надобно, чтобы на него

(*) J. J. Rousseau, Emile, liv III.

подѣйствовалъ существующій предметъ при посредствѣ свѣта. Но и свѣтъ самъ по себѣ еще не даетъ видѣть, если глазъ не открытъ, не направленъ къ предмету и не проникаетъ его своимъ взоромъ. Вотъ изображеніе разума и вѣры.

Когда такимъ образомъ истины религіозныя созданы для души человѣческой, когда всѣ способности и всѣ инстинкты души нашей озарены и поставлены въ естественныя условія къ принятію этихъ истинъ; то какъ только онѣ являются, какъ только касаются нашего разума, онъ узнаетъ ихъ инстинктивно, стремится и прилѣпляется къ нимъ, какъ единственному предмету, къ которому сознаетъ себя единственно расположеннымъ, и озаренный и просвѣщенный ими, онъ, подобно кристаллу, самъ дѣлается свѣтлымъ и свѣтоноснымъ, отражаетъ вокругъ себя свѣтъ этихъ истинъ, представляется какъ бы испускающимъ этотъ свѣтъ изъ себя самаго. Разумъ, прежде на все смотрѣвшій съ сомнѣніемъ, какъ только озаряется этимъ свѣтомъ, вдругъ перемѣняется, приходитъ въ восторгъ и громко вопіетъ: *это существуетъ, это—совершенно истинно, это—очевидно, это—должно быть такъ.* За тѣмъ уже является дѣятельность мышленія со всѣми сужденіями, умозаключеніями и доказательствами, и является какъ бы на праздникъ въ честь истины, при обрученіи ея съ разумомъ человѣческимъ.

Но эта дѣятельность разума человѣческаго по отношенію къ истинѣ откровенной есть больше дѣятельность согласія, принятія и усвоенія ея, а не изобрѣтенія и открытія истины. Намъ необходимо взять себѣ ключъ, отпирающій таинственное святилище истины, а потомъ уже мы легко войдемъ въ него; въ противномъ случаѣ, если мы не захочемъ взять этаго ключа, мы на вѣки останемъ;

ся внѣ святилища истины. «Эти предметы легко изучаются, говоритъ Платонъ, если кто научаетъ насъ онимъ; но только тотъ можетъ учить объ нихъ, кому самъ Богъ будетъ руководителемъ» (*).

Отсюда самымъ естественнымъ образомъ вытекаетъ то заключеніе, что утрата религіозныхъ истинъ неизбежна, когда хотятъ подчинить ихъ исключительной дѣятельности разсудка, прерывающей всякую связь съ вѣрою т. е. съ духовнымъ свѣтомъ. Въ семъ случаѣ разумъ ниспадаетъ въ кругъ вещей естественныхъ и чувственныхъ и по всѣмъ степенямъ сомнѣнія быстро нисходитъ въ глубину мрака, неизбежнаго для него, по мѣрѣ того какъ разрываетъ свои отношенія съ этими истинами; и тогда онъ доходитъ до отрицанія Бога и даже самаго себя, самъ на себѣ выполняя справедливую казнь за то, что поставилъ себя на такую точку зрѣнія, гдѣ Богъ и душа, какъ говоритъ Руссо, «ни нашими глазами невидимы, ни руками нашими неосязаемы» (**). «Что до меня, говоритъ Малевраншъ,— признаюсь, я нахожу себя «слишкомъ ограниченнымъ всякой разъ, когда думаю «философствовать безъ помощи вѣры. Она только «руководствуетъ и поддерживааетъ меня въ изслѣдованіи истинъ, имѣющихъ отношеніе къ Богу, «какъ составляющихъ предметъ метафизики (***)».

Такимъ образомъ все сходится къ одной точкѣ, все ведетъ къ признанію необходимости пер-

(*) Epin. Op. t. IX. p. 269.

(**) Въ этомъ, дѣйствительно, и заключается рѣшительное доказательство атеистовъ и матеріалистовъ.

(***) Malebr. 9-e Entretien sur la Metaphisique n. 6. Мы часто ссылаемся на него, потому что онъ былъ и философъ и вѣрующій, и съ одинаковою силою можетъ быть противопоставляемъ и друзьямъ и врагамъ Религіи.

ваго откровения, — и рождение истины на землѣ, и происхожденіе языка человѣческаго, и самое свойство религіозныхъ истинъ.

IV. Чтобы еще опредѣлительнѣе подтвердить наши изслѣдованія, мы сдѣлаемъ краткій очеркъ, низводя разсматриваемый предметъ изъ области метафизической въ область исторіи, и преслѣдуя его движеніе на почвѣ фактовъ.

Для засвидѣтельствованія этаго уже достаточно одного того всеобщаго историческаго факта, который разсмотрѣнъ нами въ предыдущей главѣ и опирается на самыхъ подлинныхъ свидѣтельстввахъ. Мы видѣли уже, что Религія естественная, во всей ея чистотѣ, предшествовала идолопоклонству и суевѣрію на землѣ, и ею была освѣщена колыбель всѣхъ древнихъ народовъ, тогда какъ оставались во мракѣ всѣ искусства и всѣ другія знанія человѣческія. Это очевидно доказываетъ, что религіозныя истины первоначально были открыты человѣку; ибо чѣмъ онѣ недоступнѣе для его силъ и способностей, тѣмъ позднѣе надлежало бы ожидать ихъ открытія, если бы онѣ были плодомъ его изобрѣтательности и изслѣдованій; по крайней мѣрѣ съ развитіемъ разума человѣческаго онѣ бы уяснялись и расширялись и ихъ историческая судьба была бы подобна ходу всѣхъ прочихъ истинъ человѣческихъ. Но нѣтъ; въ отношеніи къ нимъ дѣло было наоборотъ. Истины религіозныя вначалѣ явились одиноко на горизонтѣ духа человѣческаго и разомъ озарили его своимъ животворнымъ свѣтомъ; а впоследствии горизонтъ этотъ былъ помраченъ самыми грубыми и несмысленными заблужденіями; и, замѣчательно, эта обратная смѣна религіознаго свѣта тьмою совершалась, по мѣрѣ того какъ родъ человѣческій пре-

успѣвалъ въ открытіи и искусствѣ и наукѣ, и обогащался собственными изобрѣтеніями (*).

Этотъ фактъ, самъ по себѣ столь поразительный, соединяется еще съ другимъ, не менѣе замѣчательнымъ, который, поколику требуетъ подробнаго раскрытія, естественнымъ путемъ, неизбѣжно приведетъ насъ къ вопросу, долженствующему составить предметъ слѣдующаго отдѣла. Этотъ другой фактъ состоитъ въ томъ, что какъ для сохраненія, такъ и для открытія и познанія истинъ религіозныхъ, люди всегда и вездѣ обращались къ преданіямъ древности.

Очень замѣчательно здѣсь то, что не наукою, а преданіемъ сохранялись и поддерживались между людьми истинны религіозныя. Для познанія ихъ обращались не къ собственному личному разумѣнію, но къ общимъ воспоминаніямъ народовъ, къ голосу прошедшаго, ко всѣмъ вѣрованіямъ, отъ которыхъ добивались отвѣта, на чемъ онѣ опираются касательно истинъ религіозныхъ.

(*) Да и Кузень записалъ эту важную истину въ слѣдующихъ выраженіяхъ: М. Г. съ родомъ человѣческимъ тоже бываетъ, что съ частными лицами. Первоначальное откровеніе освѣщаетъ колыбель «человѣческой гражданственности и просвѣщенія; всѣ древнія преданія восходятъ къ тому вѣку, когда человѣкъ, вышедши изъ «рукъ Творца, получалъ отъ Него непосредственно всѣ наставленія «и всѣ истины, скоро затмившіяся и подвергшіяся искаженію отъ «несовершенной науки человѣческой». Любопытно видѣть, какъ этотъ рационалистъ, послѣ такого вынужденнаго признанія, старается выпутаться изъ него: «этотъ золотой вѣкъ, этотъ Едемъ и «поэзія и религія представляютъ въ началѣ исторіи, какъ живой-«священный образъ свободнаго раскрытія разума, при его самопрод-«ной силѣ и дѣятельности, прежде его развитія, намѣренно обду-«маннаго». (Introd. a l'Hist. de la philos. lec. 7, p. 202, 203).

Понятна вся важность этого факта; понятно и то, что имъ очевидно указывается на первоначальное откровеніе; а потому, прежде чѣмъ выводить что либо изъ него, его слѣдуетъ обстоятельно подтвердить.

«Правоучители первыхъ вѣковъ, говоритъ одинъ ученый протестантъ, не разсуждали, подобно нашимъ, о началахъ нравственности; *авторитетъ* замѣнялъ у нихъ философію, и *преданіе* было для нихъ единственнымъ доказательствомъ. Поэтому важнѣйшія свои нравственные правила они передавали какъ уроки, принятыя отъ отцевъ, а еи отъ своихъ предковъ и возводили ихъ такимъ образомъ до первыхъ людей, съ которыми бесѣдовалъ Самъ Богъ. Такое вѣрованіе имѣло въ основаніи своемъ древнее преданіе (*).

Такое ученіе преданія долгое время существовало на востокѣ, откуда началось и просвѣщеніе; это подтверждается древнимъ свидѣтельствомъ Діодора Сицилійскаго, который хвалилъ Халдеевъ за то, что они «не имѣли другихъ учителей, кромѣ своихъ предковъ; отъ чего у нихъ болѣе прочное образованіе народное и они лучше вѣрують тому, чему были научены. А что касается Грековъ, которые не слѣдуютъ ученію своихъ предковъ, а отдаются одному произволу собственныхъ мнѣній въ научныхъ изслѣдованіяхъ, ими предпринимаемыхъ (*ipsi sua sponte in disciplinarum studio pro libitu incumbunt*); то они, непрестанно гоняясь за новостію мнѣній, спорять между собою о самыхъ

(*) Leland, Nouv. démonst. évangéliqu. 2-e partie, с. II. t. III,—pag. 57, 59.—Edouard Ryan также сознается, что «преданіе служило источникомъ, изъ котораго народы и мудрецы древности почерпали умственные понятія о бытіи и свойствахъ Божіихъ» (Tom. I. ch. 1. p. 12).

«высокихъ предметахъ и привуждаютъ такимъ образомъ учениковъ своихъ постоянно оставаться въ нерѣшительности и всю жизнь блуждать въ сомнѣнiяхъ безъ всякаго опредѣленнаго познанiя» (*).

Съ такимъ же укоромъ обращались къ Грекамъ и Египтяне, державшіеся, подобно Халдеямъ, въ истинахъ религіозныхъ вѣры древнимъ преданiямъ. Дѣйствительно у Платона мы читаемъ, что когда мудрецы греческіе приходили искать истины въ древнихъ храмахъ Мемфиса и Саиса, то жрецы отвѣчали имъ: «о Греки, вы дѣти! въ Греціи нѣтъ старцевъ. — Вашъ духъ, всегда юный, не былъ воспитанъ на древнихъ мнѣнiяхъ, *переданныхъ означенными преданiями*; у васъ нѣтъ знанiя, убѣленнаго временемъ» (**).

Этотъ урокъ однакожь заслуживали и въ Греціи только философы низшаго разряда, по преимуществу такъ называемые, софисты (***) ; а настоящіе философы отличались наиболѣе разумною почтительностію и, при усердномъ исканiи истины, старались заставить молчать и собственный разумъ, дабы посвятить себя исключительно собиранію мнѣнiй отдаленной древности. Читайте Платона и Сократа, Пифагора, Аристотеля и великаго

(*) Diod. Sicil., lib. с. — «Философія преданiя, не опирающаяся на умозаключенiя и изъясненiя причинъ, говоритъ Burnet, мнѣ кажется, существовала и послѣ Троянской войны». Archeolog. philos. l. 1, cap. IV).

(*) Plato; in Tim. Op., t. IX, p. 290, 291.

(***) «Можно назвать плебеями, говоритъ Цицеронъ, всѣхъ тѣхъ философовъ, которые не принадлежатъ къ обществу Платона, Сократа и всей ихъ школы.» Plebei videntur appellandi omnes philosophi, qui a Platone et Socrate et ab ea familia dissident (Tuscul. Quaest. l. 23).

ученика ихъ Цицерона, и вообще всѣхъ, принадлежащихъ къ тому же разряду, и заслужившихъ прекрасное названіе *мудрецовъ*; и вы увидите, что всѣ они единодушно сходятся въ томъ, что для открытія того, что есть истиннаго въ религіи, достаточно посредствомъ преданія найти, что есть въ ней наиболѣе древняго, что наиболѣе приближается къ младенчеству міра, а новизна въ этомъ отношеніи есть несомнѣнный признакъ погрѣшности; такъ какъ источникомъ ея исключительно бываетъ рационализмъ. Къ этому краткому и неопровержимому доказательству они всегда обращались совместно и для борьбы противъ суевѣрія идолопоклонства и противъ нечестія ложныхъ мудрецовъ, и для посрамленія толпы софистовъ, обращавшихъ разумъ человѣческой въ орудіе для омраченія его же самага самыми смѣшными и пагубными заблужденіями.

«Хотите ли вы заподлинно найти, говорить «Аристотель, истину? Отдѣлите тщательно то, что «есть *первичное*, и держитесь этаго; это и есть «подлинное ученіе отеческое, имѣющее дѣйствительное начало отъ слова Божія» (*). Что Богъ «сотворилъ все и все сохраняетъ, это *древнее преданіе*, говорить онъ въ другомъ мѣстѣ, *перешедшее вездѣ отъ предковъ къ потомству*» (**).

Равнымъ образомъ и Сократъ училъ, что «древніе, будучи лучше насъ и ближе къ богамъ, передали намъ высокія познанія, принятія отъ «нихъ... Поэтому, прибавляетъ онъ, надобно вѣ-

(*) Si quis ipsum solum primum separando accipiat, hoc est enim paternum dogma, divine profecto dictum putabit. Arist. Methaphys. t. XII, c. VIII).

(**) Arist. De mundo. l. VI, Op, I, p. 471.

«речь предкамъ, когда они утверждаютъ, что міръ управляетъ верховный разумъ: отдѣляться отъ нихъ во мнѣніи о семъ — значило бы подвергать себя великой опасности.» Всѣ другія доказательства бытія Божія онъ считалъ второстепенными (*).

Преданіе, вѣра древности даже въ томъ, что, по видимому, не оправдывалось разумомъ, соетавляли главнѣйшій признакъ, на который непрестанно указывалъ глава философовъ, великій Платонъ, и которымъ постоянно сражался съ противниками: «надобно, говорилъ онъ, съ вѣрою, безъ разсужденія, принимать то, что передали намъ древніе касательно предметовъ, относящихся къ Религіи» (**). Это достовѣрно, говоритъ онъ еще, «хотя для доказательства сего требуются долгія разсужденія; и надобно вѣрить этимъ предметамъ по довѣрію къ законодателямъ и древнимъ преданіямъ, пока еще не потеряли разумъ» (***)).

Еще: «Богъ, какъ учитъ древнее преданіе, «непринужденно дѣлаетъ добро. Что же пріятно Богу и согласно съ Его волею? Одно добро, по неизмѣнному древнему слову, которое учитъ насъ, что только между существами подобными можетъ имѣть мѣсто дружба» (****). «Должно всегда несомнѣнно вѣрить древности и освященному преданію, которое учитъ насъ, что душа безсмертна и что по разлученіи ея съ тѣломъ неумолимый

(*) Prisci nobis prestantiores, diis propinquiores, haec nobis oracula tradiderunt. (Plat. Phylep., Op. t. IV, p. 219).

(**) Licet nec necessariis, nec verissimilibus eorum ratio confirmetur et coet. (Plat., in Timoeo, Op. t. IX, p. 324).

(***) Jdem, de Legib. XII, Op. t. IX, p. 212).

(****) Jdem, de Leg., IV, Op. t. VIII, p. 185 — 186.

«судъ налагаетъ на нее наказанія, ею заслуженныя» (*).

И никогда не отступалъ отъ этого правила Платонъ. Если кому угодно знать причину этого, то онъ, подобно Сократу и Аристотелю, указываетъ ее въ томъ, что «первые люди, вышедшіе непосредственно изъ рукъ Бога, должны были знать Его, какъ своего Отца, и имъ, какъ дѣтямъ Его, «должно въ этомъ вѣрить» (**).

Чтобы прямѣе выставить такое многозначительное вліяніе ученія преданія, довольно указать на то обстоятельство, что софисты всячески старались увернуться отъ него. «Средство, къ побѣдѣ котораго прибѣгали, чтобы провести какую нибудь новую систему, говоритъ одинъ ученый, «состояло въ сближеніи главной идеи ея съ какими нибудь древними, уваженіе къ которымъ было «очень твердо» (***)».

Не было даже оракула, который бы не проповѣдывалъ этого всеобщаго начала. Афиняне обращались за совѣтомъ къ Аполлову Пифійскому, что бы узнать, какую религію слѣдуетъ имъ принять; оракуль отвѣчалъ: ту, которой держались ваши предки.—Но, отвѣчали они, наши предки нѣсколь-

(*) Jdem, Epist. VII, Op. t. IX, p. 115.

(**) Priscis itaque viris hac in re credendum est, qui diis geniti, ut ipsi dicebant, parentes suos optime noverant; impossibile sane deorum filiis fidem non habere (Plat., in Timoeo, Op. t. IX, p. 342). И Кузень говоритъ, что преданія востока служили основаніемъ ученія Платонова; они были, такъ сказать, матеріею всѣхъ его мыслей. (Traduct. de Platon, t. VI. notes sur le Phedre).

(***) M., de la Barre, Memoires de l'Acad. des inscript., t. XXIX, p. 71.

«ко разъ перемѣняли религію, какой же мы должны слѣдовать? — Лучшей, — отвѣчалъ оракуль. И подлинно, прибавляетъ послѣ сего Цицеронъ, передающій этотъ фактъ, подъ лучшею религіею «можно разумѣть только древнѣйшую и болѣе близкую къ Богу» (*).

Цицеронъ, на котораго мы здѣсь ссылаемся, хотя и дальше, чѣмъ греческіе философы, отстоялъ отъ первобытнаго очага преданій, однакожъ во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій обращается къ этому единственному основанію, какъ надежному пристанищу для разума человѣческаго, утомленнаго своими безплодными изысканіями. «Для подтвержденія мнѣнія, въ которомъ ты хочешь убѣдиться (о безсмертіи души), я, говоритъ, представлю тебѣ надежныя свидѣтельства: приведу тебѣ всю древность, которая, *будучи ближе къ началу и къ самому Богу*, лучше знала, что истинно (**). Законъ двѣнадцати таблицъ повелѣваетъ держаться богослуженія предковъ, и это потому, что *древность ближе къ богамъ* и религія древности засвидѣтельствована божественнымъ преданіемъ» (***)).

(*) Et profecto ita est, ut id habendum est antiquissimum et Deo proximum, quod sit optimum (De Legib. l. II. c. XVI).

(**) Quae, quo propius erat ab ortu et divina progenie, hoc melius ea fortasse, quae erant vera cernebat.

(***) Jam ritus familiae patrumque servare, id est (quoniam antiquitas proxime accedit ad deos) a diis quasi traditam religionem tueri. (Tuscul., l. 1, c. XI).—Туже мысль раздѣлялъ и Сенека и выражается въ слѣдующихъ словахъ: Non tamen negaverim fuisse primos homines alti spiritus viros, et ut ita dicam, a diis recentes; neque enim dubium est, quin meliora mundus nondum effectus ediderit (Senec. Epist. XC.)

Это однакоже не значитъ, чтобы въ глазахъ Цицерона и древнихъ философовъ не было другихъ доказательствъ, подтверждающихъ религіозныя истины; но только то, что по ихъ мнѣнію эти другія доказательства должны были подчиняться главнѣйшему доказательству, вытекающему изъ важности преданія, или, какъ они говорили, изъ наученія божественнаго, и что соглашеніемъ съ ними, лучше чѣмъ доказываніемъ, разумъ человѣческой можетъ безопасно идти впередъ въ познаніи и созерцаніи сихъ истинъ, опираясь на авторитетъ божественный, свидѣтельствующій объ нихъ; но когда онъ рѣшается обходиться безъ этого авторитета, онъ бываетъ совершенно неспособенъ замѣнить его собою и низвергается въ безчисленныя пропасти. Такимъ образомъ эти высокіе умы старались примирять философію ума съ философією преданія: послѣдняя должна была идти впереди и пролагать дорогу первой; а сія могла обогащаться, только слѣдуя за нею. Смотрите, съ какою силою выражаетъ Цицеронъ свою чистосердечную исповѣдь насчетъ этого предмета: «я всегда, говоритъ онъ, защищалъ и буду защищать принятыя нами отъ предковъ вѣрованія, касающіяся безсмертныхъ Боговъ и подобающаго имъ служенія (*), «и никакія разногласія ученыхъ, или невѣждъ, никогда не поколеблють во мнѣ этихъ вѣрованій. «Это, Бальбусъ, мнѣніе Котты; это—философія преданія,—твердое основаніе вѣры мудраго.—Объясни

(*) Подъ выраженіемъ: боги безсмертныя, Цицеронъ, какъ Платонъ, разумѣетъ *Бога*, или *Божество*. Такъ онъ объясняетъ это самъ въ другомъ мѣстѣ: «хранить религію предковъ есть долгъ мудраго; потому что существуетъ *высочайшая и вѣчная Натура*, къ которой все люди должны возноситься умомъ и сердцемъ. (De Divinat. l. 11, с. LXXII).

«же мнѣ теперь свос, продолжаетъ Цицеронъ, подъ
 «именемъ Котты; ибо отъ тебя, какъ философа, я
 «долженъ узнать основаніе религін.; но предкамъ
 «я долженъ вѣрить даже тогда, когда они не пред-
 «ставляютъ никакого основанія на то, чему учать
 «насъ» (*). — Бальбусъ, собесѣдникъ Котты, рѣшил-
 «ся потомъ повести длинную рѣчь о природѣ бо-
 «говъ; послѣ чего Котта говоритъ ему: не находя
 «этого ученія столь очевиднымъ, какъ бы того же-
 «лалъ, ты захотѣлъ *подтвердить доказательст-*
 «*вали бытіе* боговъ: а для меня достаточно и того,
 «что оно было *преданіемъ предковъ*; но ты, *пре-*
 «*небрегая этотъ авторитетъ*, ищешь себѣ опo-
 «ры въ разумѣ. Потерпи же, когда мой разумъ не
 «сходится съ твоимъ. Ты употребляешь всякаго
 «рода доказательства, что бы подтвердить бытіе бо-
 «говъ, и, доказывая, низводишь въ область сомнѣ-
 «нія такую истину, которая по моему сознанію,
 «выше всякаго сомнѣнія» (**).

(**) Opiniones, quas a majoribus accepimus de diis immor-
 talibus, sacra, caeremonia, religionesque ego defendam
 semper, semperque defendi: nec me ab ea opinione, quam
 a majoribus accepi de cultu deorum immortalium, ullius
 in qua oratio aut indocti movebit. Habes, Babbe, quid,
 Cotta, quid pontitex sentiat. Fac nunc ergo, intelligam,
 tu quid sentias; a te enim, philosopho, rationem accipere
 debes religionis, majoribus autem nostris etiam nulla ra-
 tione reddita credere. (De natura deor. l. III, c. II, n. 5.
 6).

(*) Mihi unum satis erat, ita nobis majores nostros tradidis-
 se; sed tu avtoritates contemnis, ratione pugnas Patere
 igitur rationem meam cum tua ratione contendere. Af-
 fers haec omnia argumenta, cum dii sint, rem que mea
 sententia minime dubiam, argmenutando dubiam facis.
 (De Natara deorum).

Никогда философія умственная и философія преданія, или философствованіе и философія, не были выставляемы другъ противъ друга съ такою ясностію, какъ въ этомъ замѣчательномъ разговорѣ Цицерона, коротко выражающемъ сущность вопроса касательно истины во времена древнія..., да и во времена новѣйшія; ибо духъ человѣческій не измѣнился, только борьба приняла болѣе важное значеніе отъ той особенной возвышенности и особенной силы, которыя христіанствомъ сообщены владычеству истины на землѣ.

Итакъ для Цицерона и всѣхъ древнихъ мудрецовъ эту истину выше всякаго сомнѣнія поставлялъ древній авторитетъ преданія, имѣвшій основаніе свое въ томъ, что *древность была ближе къ Богу*, которому естественно было научить людей самому лучшему; это общее мнѣніе вылилось у Лукіана въ слѣдующемъ двустижіи:

«..... Dixitque semel nascentibus auctor,
Quid scire licet. (**)

Это мнѣніе существующее и теперь, но только опираясь на болѣе прочномъ основаніи, какъ главнѣйшемъ доказательствѣ христіанской религіи, служило во всѣ времена доказательствомъ религіозныхъ истинъ въ мірѣ. Ему слѣдовали всѣ народы востока; изъ этой то колыбели религіи, искусствъ и наукъ и надобно заимствовать то первое преданіе, за которое мы стоимъ. Отсюда оно перешло ко всѣмъ народамъ (*). Это истина, доказанна такъ, какъ не доказана ни одна истина историческая.

(**) Phars. lib. IX.

(·) Fabricy, de titres primitifs de la révélation. (Discours préliminaire, p. l. XXVI.

«Мудрецы востока, говоритъ одинъ историкъ, были знамениты своими нравственными правилами и краткими мѣнїями, сохранившимися у нихъ *изъ древняго преданїя*. Это замѣчаніе оказывается равно справедливымъ по отношенію ко всѣмъ мудрецамъ у Персовъ и Вавилоняняъ, у Бактрійцевъ, Индійцевъ и Египтяняъ» (**). «Арабы, говоритъ другой историкъ, на основаніи *праотеческихъ преданій*, очевидно сохранили память о сотвореніи міра, о потопѣ и другихъ главныхъ, первоначальныхъ событіяхъ, память, служащую къ утвержденію въ нихъ вѣры въ Бога невидимаго и страха «Его судовъ» (***)». Не говорю уже о народѣ Израильскомъ, который былъ по преимуществу народомъ преданїя и всегда соединялъ со всесвятымъ именемъ Бога достопочтенное имя своихъ патриарховъ, передавшихъ ему преданіе. Изученіемъ этаго народа мы будемъ заниматься особо.—Наконецъ въ глубинѣ Китая ученіе преданїя, древнѣйшія вѣрованїя, возводимыя народными воспоминаніями къ Богу, были выставляемы мудрецами и противопологаемы новизнамъ философскимъ, почти въ такихъ же выраженїяхъ, какъ въ Аѳинахъ и Римѣ, Сократомъ, Платономъ, Аристотелемъ и Цицерономъ. *Ху-Кинзъ*, или книга по превосходству, исправленная *Кунъ - Фунъ* — (Конфуціемъ) въ половинѣ шестаго вѣка до нашей эры, прямо выражаетъ это ученіе на каждой страницѣ. «Что добраго, говоритъ онъ, въ твоихъ усилїяхъ соткать новую ткань изъ шелку? Чтобы не увлекаться разными заблужденїями, надобно, по моему мнѣнію, изучать правы и ученіе нашихъ предковъ. Древность! Я всегда ее изучаю. *Мой духъ привязывается къ духу дре-*

(**) Navarette, Histoire de la Chine, p. 120.

(...) Boulainvilliers, Vie de Mahomet, l. II, p. 190.

«внихъ, и я до зары не могу уснуть. Ученіе, передаваемое намъ мудрецами, величественно, свѣтло и прекрасно. Эготъ человѣкъ отступилъ отъ нашихъ древнихъ ученій и его поступъ нерѣшительна; у него уже нѣтъ ничего твердаго» (*).

Какое удивительное и поразительное согласіе у всѣхъ этихъ мудрецовъ міра, и кого оно не тронетъ? Мы можемъ прекратить здѣсь наши выписки свидѣтельствъ. Съ достаточною ясностію выставлена уже очевидность того факта, что весь родъ человѣческій въ благороднѣйшихъ и лучшихъ своихъ представителяхъ съ покорностію принималъ и хранилъ *Религіозныя истины* чрезъ посредство преданія, къ нему же обращался, чтобы вновь обрѣсти ихъ, признавалъ въ нихъ тѣмъ болѣе точности и чистоты, чѣмъ ближе подходили онѣ къ началу и младенчеству міра, однимъ словомъ лучше соглашался принимать, а не выдавать ихъ отъ себя самага. Это *всемірный фактъ*, безспорно и непреложно очищенный.

Какое же выходитъ отсюда слѣдствіе? Впродолженіе нашего изслѣдованія мы уже указывали на него: оно вытекаетъ изъ каждаго, приведеннаго нами свидѣтельства. Но повторимъ его кратко.

Ученіе преданія необходимо заключаетъ въ себѣ вѣрованіе въ первобытное откровеніе; и какъ ученіе это было всемірное, то таковоже было и самое вѣрованіе это, и такимъ образомъ ни въ чемъ нѣтъ недостатка для доказательства этой истины, —ни со стороны свойства самыхъ предметовъ изучаемыхъ, ни со стороны разбирательства и повѣрки факта, ни, —что еще рѣшительнѣе, —со стороны

(*) Шар. II, п-е 4. Смотри переводъ этой книги въ *священныхъ книгахъ востока*, изданныхъ Didot, format du Pantheon.

свидѣтельство рода человѣческаго, который былъ однимъ изъ его дѣятелей и въ прожитой имъ исторической жизни дастъ намъ видѣть побужденіе, по которому принималъ и слышалъ переходящее, такъ сказать, изъ устъ въ уста то самое слово, которое въ началѣ было къ нему обращено.

Если бы человѣкъ имѣлъ возможность самъ собою, при помощи одного собственнаго размышленія, добывать познаніе истинъ религіозныхъ; то чѣмъ болѣе онъ желалъ бы приобрѣсть эти познанія, тѣмъ болѣе углублялся бы въ самага себя и въ собственныя размышленія. А если, какъ мы видѣли, люди, и преимущественно образованнѣйшіе, судили напротивъ, что эти истины можно открывать и приобрѣтать только подъ условіемъ отрѣшенія отъ своей самостоятельности и отъ собственной личной изобрѣтательности, съ покорностію принимать религіозное ученіе, совершенно готовое, отъ своихъ предшественниковъ, какъ сіи приняли его отъ своихъ; то необходимое заключеніе здѣсь то, что, по ихъ убѣжденію, эти истины были сообщены роду человѣческому *сверхъестественнымъ путемъ*; иначе каждый человѣкъ народилъ бы ихъ самъ собою естественными путями и средствами. Ученіе преданія ни у одного человѣка не пользовалось бы честью открытія истины и первоначальнаго средства наученія ей, какъ бы оно ни было древне и разумно. Въ ученіи преданія люди признавали не источникъ, а только органъ истины, которую, по этому, считали имѣющею свое происхожденіе въ человѣка, въ Богъ. Древнѣйшіе изъ людей пользовались въ семъ отношеніи большимъ уваженіемъ только потому, что были ближе къ *оригинальному изданію* истины и представляли текстъ ея болѣе чистый, болѣе согласный съ божественнымъ *манускриптомъ*; въ противномъ

случаѣ имъ, самимъ по себѣ, меньше оказано было бы довѣрія, чѣмъ позднѣйшимъ, потому что на сторонѣ сихъ послѣднихъ было бы больше опытности и большая сумма развитыхъ идей и приобретенныхъ познаній. Ученіе преданія не принадлежало наукамъ естественнымъ и искусствамъ; это было ученіе противоположное, ученіе о нравственномъ усовершенствованіи. По этому, если его соединяли съ наукою богословскою, то только вслѣдствіе существовавшаго убѣжденія, что эта наука занимаетъ свое начало свыше. Преданіе впрочемъ внушало вѣру въ его начало; ибо имъ однимъ только и сохранялась еще истина отчасти уцѣлѣвшая. Рационализмъ, съ своей стороны, внушалъ вѣру въ его собственную незаконность; ибо чѣмъ болѣе онъ успивался занять мѣсто преданія и чѣмъ болѣе затемнялъ и обезображивалъ его истины; тѣмъ болѣе расплажалъ заблужденій. Выставляемое такимъ образомъ имъ обличеніе противъ самаго себя, и въ пользу его противника, было не опровержимо. Если бы познанія богословскія были добыты собственными изысканіями людей; то позднѣйшіе философы усовершали бы откровенія своихъ предшественниковъ, и люди, жившіе спустя нѣсколько вѣковъ послѣ Пифагора и Фалеса, были бы гораздо свѣдущѣе въ священнѣхъ познаніяхъ, чѣмъ эти философы. Но историческая истина говоритъ напротивъ. У древнихъ мудрецовъ понятія о Богѣ были гораздо чище, чѣмъ у послѣдующихъ, и родъ человѣческій, подвигаясь впередъ, становился суевѣрнѣе: — несомнѣнное доказательство, что первоначальное наученіе истинамъ религіознымъ не могло зависѣть отъ человѣка, но отъ Бога (*).

(*) Ученіе преданія, съ такою очевидностію представляющееся въ этомъ образѣ сужденія древнихъ философовъ, нисколько не согла-

Древніе смѣялись надъ тѣми, кто думалъ иначе и назначалъ мудрости и религіознымъ истинамъ сроки человѣческіе. Новѣйшіе философы — раціоналисты (здѣсь разумѣются отъявленные защитни

сно съ образомъ мыслей новѣйшихъ раціоналистовъ; они рѣшительно возстаютъ противъ него: называютъ его ученіемъ **теократическимъ** и не стѣсняются утверждать, будто оно ново и никакихъ слѣдовъ его не находятся у христіанскихъ философовъ семнадцатаго вѣка. Правда, что ученіе предавія съ преимущественными особенностями изложено и выставлено въ наше время, а въ сочиненіяхъ упоминаемыхъ философовъ христіанскихъ оно было нѣкоторымъ образомъ забыто, и это зависѣло отъ того, что по свойству противниковъ, съ которыми имъ надлежало вести борьбу, не было необходимости употребить въ дѣло это ученіе столько, сколько въ наше время. Но надобно никогда не читать ихъ, чтобы утверждать, будто они во все чужды этаго ученія и не держатся его въ сущности. Въ подтвержденіе противнаго мы легко могли бы привести множество свидѣтельствъ, но ограничиваемся однимъ, принадлежащимъ скромному ученому d'Aguessau, который, хотя и держится системы Картезія, однакожь въ полемикѣ, гдѣ защищаетъ достоинство древнихъ философовъ, онъ выражается такъ: «Послѣ всего этаго, М. Г., я можетъ быть, на самомъ дѣлѣ держусь лучшаго, чѣмъ вы, мнѣнія о древнихъ философахъ. Соглашусь съ вами, что навѣрное скажутъ, что они писали какъ бы для того, чтобы показать, **что разумъ человѣческій очень слабъ въ тѣхъ самыхъ предметахъ, въ которыхъ наиболѣе обнаруживается его сила, что они касались самыхъ важнѣйшихъ истинъ, и не въ состояніи были понять ихъ, да и познанныя или истины часто обращались у нихъ въ поводъ низвергаться еще глубже въ бездну заблужденія.** Это ваши выраженія, М. Г., отъ всего сердца скрѣплю ихъ своею подписью. Но по тому самому, когда они говорятъ здраво и изъясняются такъ, что можно бы предполагать

ки разума противъ откровенія), столько насмѣхающіеся надъ вѣрою и выдающіе себя за просвѣтителей рода человѣческаго, доселѣ будто бы жившаго безъ разума, сами составляли бы предметъ насмѣшекъ истинныхъ философовъ древности, ес-

«въ нихъ знакомство съ понятіями, извѣстными намъ изъ откровеніями, я и считаю себя вправѣ признавать въ ихъ сочиненіяхъ «слѣды древняго преданія, всегда тѣмъ болѣе чистаго и тѣмъ менѣе потерпѣвшаго измѣненіе, чѣмъ ближе находятъ его у его «источника. Итакъ здѣсь я съ радостію вижу слѣды тѣхъ главнѣйшихъ и основныхъ истинъ, познаніе которыхъ существенно необходимо для человѣка, и въ отношеніи къ которымъ невѣроятно, «чтобы Богъ допустилъ совершенное изглаженіе ихъ изъ памяти «у всѣхъ народовъ земнаго шара, кромѣ Іудеевъ. Чѣмъ прѣмѣ «вы разсматриваете эти истины, какъ превышающія усилія разума «человѣческаго, тѣмъ живѣе я сознаю въ себѣ готовность вѣрять, что достойно было благости Виновника ихъ поддерживать «непрестанную память о нихъ посредствомъ преданія истиннаго, «переходившаго отъ отцовъ къ дѣтямъ. Преданіе о твореніи, очевидно, сохранялось въ вѣрованіяхъ и языкѣ народномъ очень вѣрочно, что еслибъ спросить объ этомъ предметѣ земледѣльцевъ «Аттики, или самыхъ простыхъ гражданъ Аѳинскихъ, они отвѣчали бы лучше, быть можетъ, чѣмъ большая часть философовъ. «Я основываюсь въ этомъ на поэткахъ, которые обыкновенно держатся понятій народныхъ, и у которыхъ есть много мѣстъ, гдѣ «Богъ представляется не только какъ Владыка и Правитель, но и какъ Отецъ и Творецъ всѣхъ вещей. Но чтобы изъяснить существованіе «этого преданія въ одномъ только классѣ философовъ, ужели нужно предполагать огромное число поколѣній для «составленія того послѣдовательнаго преемства, которымъ оно хранилось въ школахъ? Объ этомъ я уже говорилъ въ другомъ мѣстѣ. «Безъ сомнѣнія, Ной оставилъ это драгоценное наслѣдіе своимъ «дѣтямъ, а ими оно перенесено въ Египетъ. Воспоминаніе о немъ «было оживлено пребываніемъ въ этой странѣ потомковъ Авраама, «болѣе чѣмъ въ продолженіе двухъ сотъ лѣтъ. Моисей, который,

ли судить по тѣмъ стрѣламъ здраваго смысла, которыми они поражали софистовъ, предшественниковъ нашихъ рационалистовъ. «Легко понять, говорилъ Гортенсій объ этой философѣ, что она

«по свидѣтельству св. книгъ, изучилъ всю мудрость Египтянъ, и «ихъ не оставилъ въ невѣдѣніи о томъ, что самъ зналъ изъ своего «народнаго преданія. Во время самаго пребыванія Евреевъ въ Егип- «тѣ колонія Египетскія положили основаніе главнѣйшимъ горо- «дамъ Греціи. Спустя около двухъ вѣковъ послѣ Моисея, въ ту же «страну начинаютъ приходить Греки для изслѣдованія петочниковъ «древнихъ преданій, оттуда къ нимъ принесенныхъ. И первые «философы, совершившіе такія путешествія, самымъ возвышеннымъ «образомъ говорятъ о Божествѣ, и въ ихъ то школахъ сохранились «величественныя изображенія всемогущаго Бога и неистощимой «щедродательности Перваго Существа. Итакъ только Египтянъ я «вижу между Ноемъ и Греками, или, если угодно заключить въ «болѣе тѣсные предѣлы это посредство—между Моисеемъ и Гре- «ками.» (Lettre sur divers sujets de Methaphisique, t. XVI, p. 39 — 40. edit. in 8).

Искреннѣйшій приверженецъ рационализма, Кузенъ не могъ не признать той истины, что *преданія востока составляютъ какъ бы ткань всѣхъ мыслей Платона*. Въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ еще: «тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ отрицать *существенной связи*, «при самыхъ значительныхъ разностяхъ... Это значитъ отрицать «*древнія преданія*, послужившія въ Греціи основаніемъ «искуству и философїи, воображенію и разуму. Чѣмъ болѣе углу- «бляться въ разговоры Платона, тѣмъ больше можно находить въ «нихъ *существенныхъ, историческихъ эле- «ментовъ*, которыми онъ свободно воспользовался. присоеди- «ните къ этому и признаніе самаго Платона въ Epinomis въ томъ, «что болѣею частью своихъ познаній о богахъ онъ обязанъ *вар- «варамъ, халдеямъ*.» Trad. de Platon, sur le Ban- «qitet et celles sur l'Epinomis). Не надобно забывать и того, что въ это время Иудеи были разсыяны во всей западной Азіи.

Т. II. 22

«не есть мудрость; потому что извѣстно ея начало и время, въ которое она родилась. Когда же стали появляться философы? Фалесъ, мнѣ кажется, былъ первѣйшимъ изъ нихъ, а это пора недавняя. Гдѣ же прежде сего была истина? — «Нѣтъ еще и тысячи лѣтъ, какъ начали изучать начала мудрости, говоритъ также Сенека; ужели родъ человѣческій въ продолженіе столь многихъ вѣковъ лишенъ былъ разума?» Нелѣпость этой мысли осмѣивалъ еще Персей: «Съ того времени, говоритъ онъ, какъ съ перцемъ и финиками ввели мудрость въ Римъ, какъ будто бы мудрость, прибавляетъ Лактанцій, принесена была съ пряно-стями, мудрость, необходимо долженствующая имѣть начало прежде человѣка» (*).

Такой судъ здраваго смысла, совершенно справедливый, дѣйствительно непріятенъ для рационализма. Религіозныя истины, составляющія въ собственномъ смыслѣ мудрость, если онѣ, въ самомъ дѣлѣ, не доступны для разума человѣческаго (а кто же можетъ сомнѣваться въ этомъ?), должны быть внушены человѣку со времени его происхожденія и сохраненіе ихъ должно быть ограждено самымъ естественнымъ и для всѣхъ доступнымъ средствомъ, каково преданіе. Не дѣйствительное ли это безуміе — поставлять въ зависимость не отъ простоты сердечной, но отъ произведеній съ трудомъ вырабатываемыхъ разумомъ человѣческимъ, такія истины, которыя, можно сказать, тоже для души, что солнце для земли? — внушать роду человѣческому, что эти истины суть плодъ какихъ нибудь софистовъ и принуждать читать ихъ сочиненія для узнанія этихъ истинъ? «Противъ этого-то неразумнаго посягательства я и возстаю, гово-

(*) Lactant. Divin. instit. lib. III, c. XVI.

«ритъ Ларомигьеръ, и противопоставляю ему то уваженіе, какимъ обязано каждое частное лицо по отношенію къ народу. Дойти до дерзкаго самохвальства, что мы-де наконецъ открыли единственное доказательство бытія Божія, *единственный путь, ведущій къ Богу*, значитъ обвинять въ безбожїи весь родъ человѣческій. Простодушный человѣкъ, который, смотря на то, какъ земля посѣянное имъ зерно возвращаетъ ему въ колосѣ, поднимаетъ руку къ небу и благодаритъ Бога Промыслителя, безъ сомнѣнія столько же убѣжденъ въ бытіи Божіемъ, какъ и эти гордые философы» (*).

Эта обличительная выходка Ларомигьера, тѣмъ болѣе замѣчательная въ его сочиненіяхъ, что свойственная имъ ясность обыкновенно чужда всякаго горячаго увлеченія, случайно вырвалась у него при мысли о Декартѣ. «Да позволятъ мнѣ сдѣлать, говоритъ онъ, одно замѣчаніе, котораго я впрочемъ не отношу къ Декарту. Оставимъ на минуту въ покоѣ этаго великаго человѣка, о которомъ не умѣютъ говорить съ должнымъ уваженіемъ.» Здѣсь онъ обращается только къ мнимымъ его подражателямъ; и нельзя дѣйствительно не увлекаться горячностію противъ этихъ постепенно возрастающихъ въ философіи, въ наше время, притязаній выдавать себя за продолжателей Декарта и во имя его принимать участіе въ глупостяхъ разума, возстающаго противъ вѣры, когда называютъ этого мыслителя отцемъ новѣйшей философіи и главнымъ предводителемъ возстанія разума человѣческаго противъ всякаго авторитета.

Самымъ ошибочнымъ образомъ понимаютъ этого человѣка. У Декарта не было ничего новаго, кромѣ его ошибокъ. Его знаменитое методическое сомнѣніе, употребленное имъ противъ невѣ-

(*) Lecons de philosophie de Laromiguière, t. II, p. 279.

рующихъ, есть оружіе заимствованное имъ у блаженнаго Августина, оружіе, которымъ онъ пользовался въ томъ же духъ для вѣры и религій, какъ самъ Августинъ (*). Какое святетатство обращать это оружіе противъ самаго Декарта, называя его отцемъ философіи, поставляющей для себя единственную цѣль разрушать религію и вѣру!

Не только не слѣдуетъ поддерживать довѣріе къ такой философіи такимъ покровительствомъ, а напротивъ обличать и посярмлять ее; въ против-

(*) Дѣйствительно, методическое сомнѣніе Декарта и его: *я мыслю, слѣдовательно существую*, выражено было Августиномъ въ слѣдующемъ разговорѣ: «*Разумъ*. Начнемъ нашу работу. *Августинъ*. Будемъ же вѣрить, что Богъ поможетъ намъ.—*Разумъ*. Ну, помолись Ему коротко и усердно, какъ только можешь.—*Августинъ*. Боже вѣчный, помоги мнѣ познать самаго себя и познать Тебя! Такова моя молитва. *Разумъ*. Но ты, желающей познать себя, *знаешь ли ты даже то, что ты существуешь?*—*Августинъ*. Знаю. *Разумъ*. Откуда ты это знаешь? *Августинъ*. Не могу сказать. *Разумъ*. Какое ты имѣешь понятіе себѣ, — какъ существѣ простомъ, или сложномъ? *Августинъ*. Не могу сказать. *Разумъ*. Знаешь ли ты, какъ приводишь себя въ движеніе? *Августинъ*. Не могу сказать. *Разумъ*. Знаешь ли ты, что ты мыслишь? *Августинъ*. «Знаю» (Soliloqu. l. II, c. I.). И не въ однихъ только *собесѣдованіяхъ съ самимъ собою*, но и во многихъ другихъ твореніяхъ *тотъ же методъ* приводимъ былъ великимъ епископомъ Иппонійскимъ, методъ, считающийся одною изъ первыхъ заслугъ Декарта. Такъ Фенелонъ, хотя и слѣдовалъ Декарту, говоритъ: «если уже слѣдуетъ вѣрить какому философу, судя по его славі, то я согласенъ вѣрить, гораздо больше блаженному Августину, чѣмъ Декарту; ибо кромѣ того, что этотъ учитель церкви несравненно лучше умѣлъ соглашать философію съ религіею, у него являются еще великіе порывы гевія въ раз-

номъ же случаѣ великая слава Декарта рушится и ее нельзя будетъ спасти.

Какое, въ самомъ дѣлѣ, зрѣлище представилъ міру этотъ пресловутый *переворотъ картезіанскій* и какіе плоды имъ принесены? Я предоставляю здѣсь говорить самому историку и защитнику его: «Мы прослѣдили отъ начала до конца то философское движеніе, главою котораго представляется Декартъ. Мы выполнили принятую на себя задачу историка, рассказывать болѣе намъ нечего; но за нами остается вполнѣ болѣе трудная задача суда и оцѣнки. Вооружившись критикою, мы не въ состояніи оглянуться на пройденный

«ясненіи всѣхъ истинъ метафизическихъ, хотя онъ и касается ихъ и иногда только случайно и ненамѣренно. Если бы какой просвѣщенный человекъ изъ книгъ Августина собралъ всѣ эти великія истины, разсыпавъ у него по разнымъ мѣстамъ; то такое извлечение, составленное по хорошему плану, было бы несравненно выше размышлений Декарта, хотя эти размышленія стоили этому философу самыхъ великихъ усилій его ума» (Lettre IV. sur la Relig). Тоже самое можно сказать и о доказательствѣ, стяжавшемъ честь Декарту и которое однакожъ замѣчено имъ у учителей церкви, а преимущественно у Ансельма: sic vos, non vobis mellificatis, apes.

Разумъ, какъ справедливо замѣчаютъ, никогда не имѣлъ болѣе ревностныхъ и болѣе благородныхъ труженниковъ, какъ послѣдователи откровенія во всѣ времена. Отцы вѣры могутъ быть названы и отцами разума. Они воспитываютъ его закаломъ въ его родномъ источникѣ и сообщаютъ ему тѣмъ больше смѣлости, чѣмъ вѣрнѣе ограждаютъ его отъ паденія и даютъ ему возможность съ пользою употреблять въ дѣло всю его энергію. Истинные враги разума тѣ, кто доводитъ его до безнадежности и заставляютъ бросаться въ скептицизмъ, гдѣ онъ бесплодно истрачиваетъ свои силы въ безтолковыхъ пустыхъ вымыслахъ, и изъ всего выноситъ только одно опытное дознаніе собственной слабости.

«нами путь, не испытывая въ себѣ прежде всего
 «нѣкотораго чувства отвращенія и сомнѣнія; ибо
 «пройденный нами путь весь покрытъ пагубою и
 «развалинами. Всѣ системы, которыя послѣдова-
 «тельно изучали мы, умолкли, мѣсто ихъ занято
 «другими системами, и онѣ уже не играютъ ника-
 «кой роли на философскомъ поприщѣ девятнадца-
 «таго вѣка. Какъ? ужели исчезли онѣ безслѣдно?
 «ужели отъ всѣхъ мнѣній великихъ геніевъ, сос-
 «тавляющихъ украшеніе и честь философіи, не ос-
 «талось ничего, кромѣ праха и ничтожества? Уже-
 «ли этотъ великій переворотъ философскій не внесъ
 «въ сокровищницу міра ни одной новой истины?» (*)

На эти вопросы авторъ отвѣчаетъ, какъ *эк-
 лектикъ*, или лучше, какъ *риторъ*. «Человѣчество,
 «говоритъ онъ, силою обстоятельствъ и различны-
 «ми мнѣніями увлеченное въ противоположныя
 «мнѣнія и чувства, стремится впередъ, гоняясь за
 «великолѣпнымъ слѣдствіемъ.» Съ этою фразой не-
 вольно приходитъ на мысль болѣе наивное выра-

(*) Histoire et critique de la révolution cartésienne, par Fran-
 cisque Bouillier, p. 367 — 368.

Боссюэтъ, хотя и былъ совершеннымъ *Картезіанцемъ*,
 потому что и онъ, какъ Декартъ, признавалъ въ *методѣ* сред-
 ство сдѣлаться философомъ, не оставилъ безъ предостерегательнаго
 замѣчанія относительно того употребленія, какое могли бы сдѣлать
 изъ его метода философы вопреки намѣреній Декарта противъ су-
 щественныхъ интересовъ разума и истины, и открываетъ свои без-
 покойства епископскія въ конфиденціальной перепискѣ слѣдующимъ
 образомъ: «Чтобы не скрывать отъ васъ ничего, я предвижу, что
 «великая борьба готовится противъ церкви подъ именемъ *фило-
 «софіи Картезіанской*. Я вижу, что изъ ея сущности
 «и началъ родится, по моему крайнему разумѣнію, болѣе чѣмъ одна
 «ересь; что слѣдствія, вытекающія изъ нея, противны догматамъ,
 «наслѣдованнымъ нами отъ отцовъ, сдѣлаютъ ее ненавистною, а

«женіе Лютера. «Человѣчество подобно пьяному мужику на лошади: когда его поддерживаютъ съ одной стороны, онъ падаетъ на другую.»

Отчаяніе, скептицизмъ и разрушеніе, вотъ единственныя слѣдствія тѣхъ судорожныхъ движеній и уклоненій, какія внушаетъ разуму человѣческому рационализмъ, отрывающій его отъ преда-
«нія. «Крайности нашихъ утомительныхъ изслѣдо-
«ваній (говоритъ Монтень съ обычною ему прав-
«дивостію) все сходятся въ ослѣпленіи. Самыя
«грубыя и самыя ребяческія мечты наибольше яв-
«ляются у тѣхъ, кто занимается предметами бо-
«лѣе высокими и болѣе отдаленными, погружаясь
«въ бездну собственнаго любопытства и высоко-
«умія» (*).

Самые могущественныя личности всегда отли-
чались сознаниемъ этой слабости разума человѣ-
ческаго, когда онъ покушается на самостоятель-
ность, и необходимости Божественной помощи въ

«церковь лишать тѣхъ плодовъ, какихъ она могла ожидать на счетъ
«утверженія въ умахъ философовъ истинъ о Божествѣ и безсмер-
«тіи души. Ибо подъ тѣмъ предлогомъ, что слѣдуетъ принимать
«только то, что мы ясно разумѣемъ (что въ извѣстныхъ предѣлахъ
«очень справедливо), каждый вправѣ говорить: я это понимаю, а
«этого не понимаю, и на этомъ одномъ основаніи можетъ что угод-
«но принимать и отвергать, не думая о томъ, что кромѣ ясныхъ и
«раздѣльныхъ понятій есть еще общія и слитныя, которыя одна-
«кожь выражаютъ истины столь существенныя, что съ ихъ отри-
«цаніемъ должно все рушиться. Подъ этою благовидностію вводит-
«ся такой произволъ сужденія, по которому, не смотря на преданіе,
«могутъ безразсудно обѣщать все, что кому вздумается. Васъ
«приведутъ въ удивленіе мои слова, но я говорю не на вѣтеръ»...
(Lettres diverses, t. II. 109. ed. du Pantheon).—Это пред-
вѣщаніе Боссюэта вполне оправдано опытомъ.

(*) Essais de Montaigne, liv. II, chap. XII.

изслѣдованіяхъ истинъ, относящихся къ богопознанію. Въ сочиненіяхъ древнихъ философовъ на каждомъ шагу видимъ, какъ они отступаютъ назадъ отъ своего собственнаго разума, какъ бы отъ какой бездны, и обращаются къ преданію, а чрезъ преданіе къ первобытному откровенію; и только въ семь случаѣ они спокойны, и вы слышите, какъ они говорятъ въ семь случаѣ ясно и твердо; въ подтвержденіе чего довольно указать здѣсь на Цицерона въ мѣстахъ, уже приведенныхъ нами.— Языкъ ихъ составляетъ тогда рѣшительную противоположность съ тѣмъ лепетаніемъ разума, когда онъ самонадѣянно отваживается пускаться въ опасныя изысканія истины.

Можно бы съ точностію опредѣлить силу разума степенью смиренія его въ семь отношеніи: такъ въ новѣйшія времена мы знаемъ двѣ самыя крѣпкія головы, какія только можно встрѣчать, это Монтанъ и Паскаль, и они силу своего разума посвятили всецѣло ношенію кроткаго ига вѣры (*).

Даже нѣкоторые изъ новѣйшихъ раціоналистовъ силою обстоятельствъ доведены были наконецъ до такого сознанія, и обращались къ откровенію, истощившись въ безплодныхъ и постыдныхъ усиліяхъ своего собственнаго разума отвергнуть и вытѣснить изъ жизни откровеніе. «Разумъ нашъ самъ по себѣ,—и это говоритъ Бэль,—способенъ только все запутывать, все подвергать сомнѣнію.

(*) Вообще очень дурно понимаютъ загадочный скептицизмъ Монтана. Вопросъ его: *что я знаю?* не имѣетъ отрѣшеннаго свойства, какое приписываютъ ему. На оборотъ, это только орудіе, которымъ онъ пользовался противъ разума, чтобы смирать его и побуждать некатъ успокоенія на лошѣ вѣры, владычество которой онъ проповѣдуетъ даже преувеличенно. Читайте его книгу: *Apologie de Raymond Sebond*.

«Не создалъ онъ еще ни одного произведенія, къ
«разрушенію котораго не указалъ бы самъ же пу-
«тей и средствъ. Это по истинѣ, Пенелона, которая
«ночью разрывала въ клочки ткань, сдѣланное ею
«въ продолженіи дня. Такимъ образомъ лучшее,
«какое только можно сдѣлать, употребленіе изъ
«Философій, заключается въ томъ, когда она при-
«водитъ до полнаго сознанія, что сама она предста-
«вляетъ различные пути заблужденія и что необхо-
«димо искать другаго руководителя—въ *наставле-
«ніяхъ откровенія* (*).

Итакъ къ нему-то и надобно обращаться; и все насъ ведетъ къ тому: — и рожденіе истины въ въ обществахъ человѣческихъ, и происхожденіе языка, частныя, особенныя свойства истинъ религіозныхъ и способъ сохраненія этихъ истинъ посредствомъ преданія во времена древнія, естественное безсиліе человѣческаго разума, остающагося безъ ихъ помощи, и даже безнадежность и признаніе въ томъ самихъ поборниковъ разума. Припятіе откровенія, какъ мы уже говорили, есть единственный исходъ изъ этого лабиринта, потребность его всегда сознавалась и оно всегда было среди человѣчества.

Какова же была судьба этого перваго откровенія? Не являлось ли еще въ другомъ видѣ поначеніе Бога Промыслителя о судьбахъ небесныхъ истинъ между людьми? Это другой вопросъ историческій и философскій, который самъ собою вытекаетъ изъ предыдущаго и требуетъ рѣшенія, тѣмъ болѣе достойнаго занять наше вниманіе, чѣмъ высшіе и наиболѣе жизненные соединяются съ нимъ интересы, касающіеся насъ самихъ.

(*) Diction. crit. art. Manichéens note D.

КЪ ПАМЯТИ О САВОСТЬЯНОВЪ. (*)

Въ 1847 году, свирѣпствовавшая въ Тамбовѣ, холера отняла у Тамбовской Семинаріи одного изъ замѣчательнѣйшихъ труженниковъ на полѣ ся духовной педагогіи,—*Ив. А. Савостьянова*. Въ тотъ же скорбный годъ скончался наставникъ Семинаріи *Е. В. Сатурновъ*, а за тѣмъ въ слѣдующемъ 1848 году, отъ той же болѣзни, умеръ *С. Я. Алкидовъ*. Такъ въ теченіи двухъ скорбныхъ лѣтъ Тамбовская Семинарія потеряла трехъ наставниковъ, благородно, добросовѣстно трудившихся на поприщѣ обученія духовнаго юношества! А сколько еще въ сырой землѣ лежитъ труженниковъ на поприщѣ Тамбовской Семинаріи,—ея начальниковъ и наставниковъ! Всѣ они не забыты въ лѣтописи Семинаріи, а тѣмъ болѣе въ диптихѣ церкви Семинарской, всегда молящейся о покойныхъ труженникахъ при Семинаріи.

Но внѣ церкви, молящейся о живыхъ и умершихъ, среди живыхъ людей,—въ преданіи живыхъ сослуживцевъ и воспитанниковъ почившихъ Семинарскихъ наставниковъ, ничье имя (***) такъ долго и живо не хранится, какъ имя Савостьянова. И вотъ, чрезъ 18 лѣтъ, послѣ его кончины, самая могила

(*) Иванъ Алексѣевичъ Савостьяновъ, Профессоръ Тамб. Семинаріи. См. Тамб. Еп. Вѣд. 186¹/₂ г. Т. II. стр. 329. 340. 368. 387.

(**) Впрочемъ преданіе, теперь уже довольно темное, сохраняетъ доселѣ еще имена двухъ замѣчательныхъ въ свое время личностей, это: Ректора Семинаріи *Юанна*, и Профессора философіи, Каодральнаго Протоіеря *Дмитрія Михайловича Соколова*. Немногіе изъ оставшихся учениковъ, теперь старцы, съ восторгомъ говорятъ объ этихъ лицахъ.

бѣднаго, безроднаго, едва извѣстнаго и большей части жителей г. Тамбова, труженника — учителя Семинаріи увѣнчивается памятникомъ, — памятникомъ скромнымъ, но сооруженнымъ изъ посильныхъ жертвъ не забывшихъ своего наставника воспитанниковъ. Мы были свидѣтелями освященія этого памятника 12-го протекшаго Сентября; поэтому сочли бы грѣхомъ не подѣлиться съ читателями нашими впечатлѣніями по случаю торжества освященія памятника. Какъ кому, а мы не считаемъ слишкомъ обыкновеннымъ дѣла: неумершей втеченіе 18 лѣтъ признательности учениковъ къ почившему школьному учителю!.. Что же такое особенное имѣлъ этотъ человѣкъ? Откуда эта не умирающая память о немъ? Пусть же не поскуачать читатель, если мы, по случаю освященія памятника на его могилѣ, посвятимъ страницу воспоминанію покойнаго Ивана Алексѣича. Такъ дорого это имя тому, кто зналъ его, а тѣмъ болѣе, — кто обязанъ ему, какъ наставнику, многимъ, многимъ!!.

Описывая между тѣмъ торжество освященія памятника на могилѣ покойнаго Савостьянова, бывшее 12 минушаго Сентября, мы предупреждаемъ читателя. Пусть онъ не воображаетъ какого либо, особеннаго по внѣшности, торжества при этомъ открытіи памятника. Дружеское воспоминаніе о труженникѣ—Савостьяновѣ было простымъ, скромнымъ христіанскимъ поминовеніемъ покойнаго; оно, какъ нельзя болѣе, гармонировало съ скромною, уединенною жизнію незнакомаго свѣту учителя Савостьянова!... Одна молитва, теплая, душевная, особенно со стороны собравшихся къ покойному наставнику его питомцевъ, глубокій вздохъ, живое воспоминаніе объ этомъ незабвенномъ человѣкѣ и, быть можетъ, незамѣтная для стороннихъ, у того или другаго изъ собравшихся питомцевъ по-

койнаго слеза, — вотъ все, что замѣняло въ помянутомъ торжествѣ всѣ краснорѣчивыя — патетическія рѣчи, всю обстановку нашихъ официальныхъ торжественныхъ воспоминаній. Обратимся же къ поставленію памятника и его освященію.

Мысль увѣнчать могилу змѣчательнаго труженика — наставника уже давно, быть можетъ, съ самой кончины Савостьянова, витала въ умѣ не одного изъ бывшихъ его питомцевъ. Но годы проходили, могила покойнаго вмѣстѣ съ другими похороненными съ нимъ наставниками заростала: и чрезъ 18 лѣтъ едва можно было найти эту дорожную могилу. И вотъ 8-го Сентября, въ день Рождества Пресвятыя Богородицы, привезенъ былъ изъ города Линецка памятникъ на могилу Савостьянова, и къ 12 числу установленъ на мѣстѣ. Отецъ Ректоръ Семинаріи, къ которому первѣе всего отнеслись съ просьбою быть предстоятелемъ молитвеннаго поминовенія почившихъ наставниковъ Семинаріи, съ полною готовностію отозвался на предложеніе. За тѣмъ приглашены были наставники Семинаріи и духовныхъ училищъ, священники и многіе чиновники, бывшіе либо сослуживцами, либо учениками покойнаго Савостьянова. И въ 9 часовъ утра сказаннаго дня, не смотря на дождливую Сентябрьскую погоду, экипажи крытые и некрытые стремились за городъ, къ церкви Успенскаго кладбища. То большею частию бывшіе ученики покойнаго Ивана Алексѣича, спѣшившіе посѣтить могилу своего наставника, послѣ 18 лѣтней съ нимъ разлуки. Замѣчательно: многіе ученики Семинаріи, конечно пѣшіе, прибыли въ загородную кладбищенскую церковь въ дождливую Сентябрьскую погоду. Мы замѣтили ихъ въ церкви и отъ души поблагодарили ихъ, порадовались ихъ юношескому сочувствію къ покойнымъ наставникамъ Семна-

ри, которыхъ, конечно, они не знали. Вѣрно, подумали мы, они любятъ своихъ труженниковъ—наставниковъ!!! Въ храмѣ совершена была литургія отцемъ Ректоромъ Семинаріи, Архимандритомъ Геннадіемъ, въ сослуженіи священниковъ—профессоровъ Семинаріи: Юанна Сладковѣцева и Викторъ Пѣвницкаго. Хоръ Семинарскихъ пѣвчихъ пѣлъ литургію, а за тѣмъ панихиду, отправлявшуюся среди церкви. Въ панихидѣ приняли участіе прибывшіе въ церковь, во время литургіи: отецъ пріерей Юаннъ Андреевичъ Москвитинъ, отецъ Георгій Васильевичъ Хитровъ, отецъ Николай Евдокимовичъ Бодровъ и отецъ Алексѣй Николаевичъ Песковъ. При окончаніи большой панихиды съ пѣніемъ: «*Святый Боже*» и «*Со духи праведныхъ,*» священнослужащіе, сонутуемые народомъ (были случайно и со всѣмъ сторонніе зрители этого поминовенія) шли къ могилѣ почившихъ, и на этой, пустынной дессѣ, могилѣ конечно не одинъ изъ бывшихъ питомцевъ почившихъ наставниковъ съ чувствомъ умиленія встрѣтилъ новый, довольно изящный памятникъ. Здѣсь закончена панихида, провозглашены еще разъ имена: усопшаго Юанна и другихъ здѣ лежащихъ, пропѣто: «*свѣчая память,*» памятникъ окропленъ св. водою!.. Тѣмъ и кончилось торжество поминовенія покойнаго Савостьянова и его собратій. Въ глубокомъ безмолвіи стояли присутствовавшіе, большею частію питомцы Савостьянова, окружая эту безцѣнную могилу!!!

Нѣсколько минутъ длилось это таинственное безмолвіе; какъ прикованные къ оградѣ, окружающей дорожную могилу, стояли собравшіеся ученики любимаго Савостьянова. Взоры, опущенные долу, какъ будто хотѣли проторгнуть эту толщу земли, хранящую подъ собою драгоцѣнный прахъ: хотѣли на

прахъ любимаго учителя взглянули теперь ученики его!! Но что я говорю? Можно ли было угадать тѣ безчисленныя, роємъ клубившіяся въ душѣ каждаго, думы, чувства, воспоминанія, выражавшіяся въ этомъ безмолвномъ обстояніи могилы, въ этихъ опущенныхъ взорахъ?.. Но вотъ два-три слова, мелко брошенные предстоителемъ нашего молитвеннаго поминовенія, отцемъ Ректоромъ, прервали молчаніе: *покойный* (разумѣлся Савостьяновъ) *конечно при жизни не имѣлъ такой квартиры*, промолвилъ въ волненіи о. Ректоръ, указывая на памятникъ. Слова эти порвали напряженное безмолвіе, и мгновенно отбросили мысль и воспоминаніе, быть можетъ, не одного изъ насъ, назадъ за 18 лѣтъ. Образъ живаго Ивана Алексѣича мгновенно сталъ предъ нами. Вотъ мы, ученики его, въ классѣ: и входитъ онъ въ своей строгой, вѣчно-неизмѣнной учительской формѣ. Звонокъ данъ, прошла $\frac{1}{4}$ часа: и онъ въ классѣ. Урокъ двучасовой, часъ и $\frac{3}{4}$ ему нужно быть въ классѣ, — времени не мало; но онъ все таки не тратитъ его на какія нибудь прелюдіи. Вся прелюдія его въ поднятіи ученика. Проговорилъ ученикъ половину лекціи: и полился при этомъ потокъ возраженій и объясненій со стороны наставника. Больше 100 человекъ сидятъ въ классѣ; а между тѣмъ, кромѣ ученика спрашиваемаго и учителя, повидимому, нѣтъ никого въ классѣ. Такъ безмолвно-внимательны ученики! Только глаза всѣхъ устремлены на умнаго педагога, каждый хочетъ сорвать отвѣтъ на данный вопросъ съ устъ Ив. Алексѣича, прочитать въ его глазахъ, скромно полуопущенныхъ, въ его физіогноміи строгой, важной, но выразительной, дышущей любовію къ наукѣ и особенно къ дѣлу педагогическому. Да, покойный Савостьяновъ не умѣлъ относиться легко къ наукѣ вообще, а тѣмъ болѣе къ наукѣ, имъ преподаваемой

и имъ горячо любимой, не умѣлъ кое-какъ обходить и частнаго вопроса, частной мысли, относящейся къ его наукѣ. Поэтому давая вопросъ, отвѣчая на него, либо просто развивая какую либо частную мысль, онъ весь высказывался въ этомъ вопросѣ, отвѣтѣ, или развитіи. Видно было, что человѣкъ говорить изъ глубины души, съ глубокимъ убѣжденіемъ въ истинѣ, — видно, что мысль, имъ высказываемая—не наносная въ немъ, не отвѣтъ и на время только къ нему прильнувшая, а имъ самимъ выработанная, имъ воспитанная и взлелеянная. И съ любовію слушаютъ ученики своего учителя. Свѣтлая, умная мысль, строго логическое теченіе рѣчи, израженіе этой рѣчи краткое, но сильное, самый тонъ рѣчи, дышущій убѣжденіемъ, самостоятельный—все это сильно вліяло на учениковъ, заставляло ихъ уважать своего учителя и неволью подчиняло образу его мыслей и воззрѣній. А между тѣмъ, припоминая теперь давно-минувшее душевное состояніе, въ какомъ бывали въ классѣ слушатели Савостьянова, мы не можемъ назвать этаго состоянія вполне спокойнымъ, а еще менѣе восторженнымъ, поэтическимъ. Разъ, что Логика напр. далеко не поэтическая наука; а главное—вліяніе умнаго, но строгаго, слишкомъ, по видимому, безстрастнаго, до точности взыскательнаго Ив. Алексѣича часто заставляло озираться на себя и ускоряло темпъ біенія сердца. Не болѣзненный это было страхъ, не пытка души: то было скорѣе опасеніе оскорбить, въ случаѣ сроса, уважаемаго наставника не—отвѣтомъ, или неотчетливымъ отвѣтомъ, особенно на его возраженія. Въ послѣднемъ случаѣ конечно не предстояло ученику выговора, такъ всегда тяжелаго для сердца, поза то въ первомъ случаѣ, т. е. не отвѣтъ даннаго урока грозилъ рѣзкимъ, огневымъ

выговоромъ со стороны Ив. Алексѣича. Словомъ, то и или другое, отвѣтъ или неотвѣтъ предстоялъ ученику, а въ классѣ Савостьянова не могло быть того безмятежнаго, усыпляющаго спокойствія, съ какимъ проводились часто лекціи другихъ наставниковъ.—И между тѣмъ чтоже? Этотъ безстрастный, строго — оффиціальныи, чуждый, по видимому, всякаго человѣческаго увлеченія, Ив. Алексѣичъ привлекалъ къ себѣ мысли и сердца своихъ учениковъ. Каждый почти, переходящій изъ низшаго въ средній классъ семинаріи, желалъ по жребію попасть въ отдѣленіе Савостьянова (такъ какъ было два параллельныхъ среднихъ класса), и если не удавалось этого по жребію, нарочито перепрашивался въ отдѣленіе Савостьянова. Мы не встрѣчали за тѣмъ воспитанника, окончившаго курсъ чрезъ классъ Савостьянова, который бы не благодарилъ со всею искренностію Савостьянова, который бы не сознавалъ себя обязаннымъ ему многимъ многимъ!!. Что это за секретъ былъ въ нашемъ покойномъ наставникѣ? Онъ, какъ замѣчено выше, строгъ былъ къ ученикамъ, его выговоръ или замѣчаніе огнемъ обдавало воспитанника: и тѣже воспитанники любили и доселѣ любятъ, мало того, всегда какъбы благоговѣли къ Савостьянову. Что это, спрашиваемъ опять, за секретъ въ наставникѣ? Одна душа покойнаго могла отвѣчать на это. Честный, добросовѣстный труженникъ, онъ съ перваго раза угадалъ педагогическую ролю быть можетъ своего времени, но за которую и доселѣ благословляется его имя; понялъ секретъ вести дѣтей цѣломудренно — строгимъ путемъ къ священной цѣли нравственно-религіознаго развитія. Что особенно дорого въ наставникѣ или воспитателѣ,—покойный владелъ тактомъ поднимать учениковъ слабыхъ и пробуждать лѣнливыхъ. Изъ 100 учениковъ не 20

или 50-ю занимался Савостьяновъ, по всѣмъ сто-головымъ классомъ съ одинаковымъ терпѣніемъ и настойчивостію; и рѣдкій, уже развѣ вовсе бездарный, отыскивался воспитанникъ, въ которомъ бы онъ не открылъ дѣльнаго, не вызвалъ наружу спящія въ немъ, хоть бы посредственныя, дарованія. — Могла бы упрекнуть покойнаго педагогика настоящаго времени въ отсутствіи той популярности или гуманности между учителемъ и ученикомъ, которую нынѣ рѣшили считать условіемъ или залогомъ несомнѣннаго успѣха въ дѣлѣ педагогич. Да, подтвердимъ, этой популярности, особенно въ классѣ, не было у нашего наставника съ учениками, не было того, чтобы наставникъ рассказывалъ какія либо повѣсти въ классѣ и смѣялся съ учениками. Но мы выставили результаты того педагогическаго такта, которому во всю жизнь былъ вѣренъ нашъ наставникъ: и этаго довольно, чтобы оградить покойнаго отъ современнаго упрека.

А между тѣмъ покойный Ив. Алексѣичъ, — этотъ повидимому строгій, безстрастный педагогъ, имѣлъ прекрасную душу и былъ популяренъ въ нравственномъ значеніи этаго слова. Для этаго нужно было придти въ его скромную, Семинарскую квартиру. Вы встрѣчали здѣсь Ив. А — ча, уже не того, что былъ въ классѣ. Онъ васъ посадить, бесѣдуетъ съ вами, какъ старшій братъ, только, конечно, не о чемъ либо неприличномъ, тривіальномъ. Одинокій, сосредоточенный, всею душою преданный священному для него дѣлу воспитанія и образованія, онъ вамъ дастъ книгу, выскажетъ, какъ ею пользоваться, и вообще много поучительнаго и задушевнаго можно было услышать отъ Ив. Алексѣича, бесѣдуя съ нимъ въ его квартирѣ. Классъ для покойнаго былъ святилищемъ, въ которомъ онъ держалъ себя серьезно, сосредоточенно въ пол-

номъ вниманіи и благоговѣніи къ этому священному мѣсту; квартира — мѣсто задушевныхъ бесѣдъ или уроковъ, гдѣ тотъ же строгій педагогъ являлся братомъ и другомъ, съ любящимъ, нѣжнымъ сердцемъ къ воспитаннику. Особенною любовію дышаль онъ къ воспитанникамъ прилежвнымъ и наилучшимъ по успѣхамъ. Онъ былъ слишкомъ сдержанъ во всемъ, а потому всячески старался не давать замѣтить другому этого преферанса наилучшаго ученика предъ другими: но тѣмъ не менѣе это замѣтно было и изъ его взгляда, изъ тона его рѣчи и проч. Даже наилучшему ученику онъ прощалъ опущеніе одного — двухъ классовъ, не спрашивая у него причины опущенія класса и не дѣлая замѣчанія. А это много значило по отношенію къ **Ив. Алексѣичу!** — Что скрывалось въ этой душѣ доброй, полной чувства, даже можемъ сказать, по эзій, — пишущій эти строки вполне узналъ это въ послѣднюю прощальную бесѣду съ **Ив. Алексѣичемъ** въ Августъ роковаго 1847 года. Имъ самимъ заванный проститься, при отправленіи въ Дух. Акад., я въ первый и въ послѣдній разъ узналъ въ **Ив. Алексѣичѣ** задушевнаго друга по сердцу и восторженное дитя по его воспоминаніямъ прожитыхъ имъ лѣтъ въ Московской Дух. Академіи!..

Нужноли прибавлять, въ заключеніе, что, не смотря на огромную пользу, принесенную покойнымъ **Савостьяновымъ** въ дѣлѣ Семинар. воспитанія, этотъ человекъ, даровитый, любознательный, терпѣливый, былъ не на своемъ мѣстѣ? Лучшую долю нарекла ему природа, высшей карьеры, болѣе обширной сферы дѣятельности заслуживали его знаніе и неистощимое труженичество!! Но... миръ праху твоему, незабвенный труженикъ — наставникъ!

Свящ. Сл — вѣ.